

ДЕТЕКТИВ – СОБЫТИЕ

Диагн Бощ



ТИГР ВСЕГДА НАПАДАЕТ СЗАДИ

Диана Бош

Тигр всегда нападает сзади

«ЭКСМО»

2011

Бош Д. Б.

Тигр всегда нападает сзади / Д. Б. Бош — «Эксмо», 2011

Миллионерша Кира Карелина, заподозрив мужа Алексея в измене, вышла на яхте в океан и исчезла. Ее ревность была не беспочвенна: она увидела свою юную дочь обнимающейся с отчимом. Неужели Алексей женился на ней с тайным расчетом?..Алексей ужасно переживал – его любимая жена пропала, а ведь он как раз готовил ей сюрприз на день рождения! Но еще большим ударом для него стало обвинение в убийстве супруги. Запись с камеры видеонаблюдения свидетельствовала, что он отправился на яхте вместе с Кирой, а вернулся один...Пластический хирург Алан приехал на маленький островок, пытаясь сбежать от самого себя. Обнаружив на берегу женщину без сознания, он помог ей прийти в себя и хотел вызвать помощь, но она не позволила. Может, незнакомка – преступница, скрывающаяся от закона?..Страх – он, как тигр, всегда нападает сзади. Только если обернуться и посмотреть ему в глаза, страх рассеется в прах...

© Бош Д. Б., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
За два года и девять дней до описываемых событий. Май	8
Глава 2	18
Настоящее время. Двадцать шестое мая. День	18
Спустя две недели после исчезновения Киры. Девятое июня.	21
Москва	
Глава 3	27
Два года назад. Конец мая	27
Глава 4	34
Настоящее время	34
Глава 5	42
Настоящее время. Следственный изолятор	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Диана Бош

Тигр всегда нападает сзади

В Индии, отправляясь в места обитания тигров, люди надевают на затылок маску-лицо. Тигры всегда набрасываются на жертву сзади, и если они не видят спины – это их сбивает с толку.

Страх как тигр – он всегда нападает сзади. Посмотри ему в глаза, и он рассеется в прах.

Пролог

Ветер обжигал кожу, солнце слепило глаза. Камешек, мелкий, острый, вырвался из-под ноги и, звонко ударяясь о скалы, запрыгал вниз.

Только не смотреть туда. Только не смотреть!!!

Кира вцепилась пальцами в уступ и, переставив ногу, немного подтянулась. Еще чуть-чуть, осталась какая-то суцкая ерунда – всего-то полметра, – и она взберется на вершину.

Тень упала ей на лицо в тот момент, когда она как раз нащупала руками опору и глаза ее оказались на уровне плато. Шорох, звук шагов, и коричневый припыленный ботинок возник прямо перед ее носом. Кира удивленно вскинула глаза и... ничего не успела увидеть. Удар, резкая боль, ужас падения, темнота.

Острый край стола вдавился в грудную клетку, на щеке отпечатались клавиши. Кира резко встала и провела ладонью по лицу, стирая наваждение. Сонные химеры все еще витали перед глазами, навевая тягостные мысли. И строки, эти странные строки... Она услышала их перед самым пробуждением, а теперь они назойливо вертелись в уме, мучая и не давая их забыть...

Кира включила компьютер, открыла чистый вордовский лист и быстро напечатала:

«Она пыталась строить свой дом. Она растила детей и цветы. Ей хотелось, чтобы каждый нашел уголок в нем и одиночество воспринимал как блаженство.

Счастье – оно так ненадежно, так хрупко... Достаточно легкого дуновения ветерка, и невесовым перышком умчится оно в поднебесье.

Мир мой,
разорванный на клочки,
лежит лепестками
у ног бесконечности...»

Кира перечитала сочиненное и с сомнением покачала головой. Будто бы и не она писала. И с чего б этим строкам возникнуть вдруг в ее голове? Впрочем, наверное, они – порождение недавнего сна.

Из окна, которое она распахнула настежь, потянуло утренней свежестью и прохладой. Раньше она любила гулять в такое время. Тогда, когда жила совсем другой жизнью: размеренной и немного мещанской – с вкусной едой, приятными развлечениями и спокойной, не слишком обременительной работой по дому. Это сейчас у нее все вверх тормашками – ночью она работает, днем спит, то бежит по жизни галопом, словно на ипподроме, то предается полному безделью. В общем, все не как у людей.

Она подошла к календарю и передвинула красный пластиковый квадратик на двадцать шестое число. Завтра двадцать седьмое мая, и у нее день рождения. Круглая дата, сорок лет. И муж, Лес, кажется, готовит ей какой-то сюрприз. Так, во всяком случае, Кире казалось: у него было очень загадочное лицо, когда ее дочь Анфиса ненароком упомянула о пятничном торжестве.

– Тсс, – украдкой приложил Алексей палец к губам, и Анфиса сразу умолкла. А Кира сделала вид, что ничего не заметила: тайна так тайна. Зачем же портить сюрприз.

Уже два года, как они знакомы, из этого времени – шесть месяцев женаты. И она ни разу не пожалела о том, что решилась на брак с Лесом. А ведь как ее отговаривали! То и дело, вольно или невольно, напоминали ей и о разнице в возрасте, и о статистике разводов в неравных браках. На последнее Кира только пожимала плечами: разводятся все, и не важно, сколько супругам лет.

После этого в ход шла «тяжелая артиллерия». «Какая ты после этого мать! – патетически восклицала мама Киры, Нина Михайловна. – Готова привести в дом человека, который на десять лет моложе тебя!!! Тогда как Анфисе уже исполнилось семнадцать! Да между нею и твоим будущим мужем непременно вспыхнет роман, и ты, именно ты будешь виновата в этом!» Пухлый палец Нины Михайловны упирался Кире в грудь, и она начинала задыхаться. Не так просто взять и наплевать на родительские предостережения. Даже если ты сама думаешь совершенно иначе.

Так смешно теперь вспоминать свои прошлые страхи. Конечно, Кира после каждой новой маминой атаки начинала переживать, приглядываться к дочери и будущему мужу, но ничего особенного не замечала и успокаивалась. Ну не было в их отношениях ничего криминального! Напротив, Анфиска сначала активно недолюбливала Леса и сильно противилась Кириному замужеству: бабушка постаралась, своими разговорами накрутила.

Впрочем, против брака Киры были все: мама, сын Костя, дочь Анфиса и даже лучшая подруга Лика. И, разумеется, общественность в лице соседей по дому самой Киры и Нины Михайловны. Сплетни витали в воздухе и мешали спокойно жить. Кстати, мама и Лика, вероятно, на правах самых близких и любящих людей наговорили Кире гадостей больше, чем все остальные, вместе взятые.

– Вот попомни мои слова, – причитала Нина Михайловна, рыдая и размазывая слезы по лицу, – он тебя бросит! Зачем ты ему нужна, когда вокруг столько молоденьких девчонок...

Кира на людях держалась, а когда оставалась одна, давала волю слезам. Она понимала, что в чем-то ее мать права: преимущество всегда на стороне молодости. Но расстаться с Лесом не находила сил. Она и так слишком долго сопротивлялась чувству, вспыхнувшему в одно мгновение. Почему она не может хотя бы попытаться стать счастливой?

– Год-два, и ты опять останешься у разбитого корыта, – заявила в очередной раз маменька, многозначительно повысив голос.

И Кира не выдержала.

– А мне плевать! – рявкнула она. – Сколько выпадет – все мои! Имею я право хотя бы на короткое бабское счастье?! И еще хочу напомнить, дорогая мама: мой первый брак был полностью одобрен и обществом и тобой. Так что дай теперь мне сделать, как я хочу. И начхать мне на общество.

– Как знаешь. Только не говори потом, что я тебя не предупреждала!

Нина Михайловна зло сощурила глаза и, бросив напоследок на дочь грозный взгляд, громко захлопнула за собой дверь.

Слава богу, теперь все позади. Мама смирилась с присутствием Алексея в жизни Киры, а Костя даже искренне привязался к отчиму и подружился с ним. Вот только Анфиса... Она никак не хотела признавать Леса членом семьи, демонстративно игнорировала его, каждый раз кривила губы и фыркала, стоило ему что-то сказать. Любое мнение отчима Анфиса принимала

в штыки, и Кира постоянно переживала из-за этого. Ей хотелось покоя, пусть нестойкого, но равновесия, на деле же получалось постоянное балансирование, как на палубе в шторм. То налево завалится суденышко, то направо, то корма просядет, то нос зароеется в волны. А она вынуждена держаться посередине: стоит скатиться к чему-либо борту, и корабль тут же усилит крен. В поездку в Австралию Кира специально взяла дочь с собой, несмотря на ее сопротивление. Надеялась, что отношения между ней и Лесом наладятся. Ей очень этого хотелось, потому что разногласия между Анфисой и Лесом – единственное, что могло разрушить ее с таким трудом завоеванное счастье.

И она не ошиблась! Бог знает, как это удалось сделать Алексею, но девочка уже не фыркала, завидев его, а когда вчера он крикнул ей вслед: «Оденься, на улице холодно!» – она вернулась и взяла куртку. Но если бы это сказала Кира, Анфиса ни за что бы не стала брать одежду.

Взяв графин, Кира налила в стакан воды и жадно выпила. «Пожалуй, стоит все-таки немного поспать, – подумала она. – Впереди суматошный день, предстоит много хлопот. И силы будут нужны, чтобы помочь Марфе прибраться и на стол приготовить». Сегодня – канун ее дня рождения, и завтра, может быть, придут гости. Или же она, Анфиса и Лес останутся втроем, но все равно обязательно устроят настоящий праздник.

Кира подошла к окну, чтобы опустить жалюзи и отправиться в постель, как вдруг на берегу появилась Анфиса. Она пробежала по кромке воды, разбрасывая вокруг себя брызги, закружилась так, что юбка легкого сарафана встала колоколом, а потом... обняла за шею подошедшего к ней Леса. Девочка почти повисла на нем, а он вовсе не торопился ее от себя отрывать.

Дальше Кира смотреть не смогла.

– Боже, какая я дура, – пробормотала она. – У меня перед самым носом закрутился роман моей дочери с моим мужем, а я думаю о каких-то праздниках. Господи, как стыдно!

Она быстро закрыла окно и, часто дыша, кинулась прочь из комнаты. Коридор, лестница, первый этаж. Гостиная, столовая, кухня. Она ударилась пораненной накануне коленкой об угол стены, а потом ею же о дверной косяк и даже не почувствовала боли. Только алая клякса осталась на белом бруске двери.

Глава 1

За два года и девять дней до описываемых событий. Май

«Чем сложнее и грандиознее план, тем больше шансов, что он провалится» – гласит производная от закона Мерфи, предложенная Наггом.

Ли́ка в сердцах двинула носком туфельки по колесу своего красного спортивного автомобиля и нервно посмотрела на часы. Сигарообразный, с узкими раскосыми фарами-глазами, он был гордостью Ли́ки. И кто бы мог ожидать, что эта машина преподнесет такой неприятный сюрприз! Не заведется именно тогда, когда больше всего нужна. Ли́ка обожала быструю езду и, если бы не привитое с детства законопослушание, носилась бы везде на предельной скорости, какую только можно выжать из ее автомобиля.

Да, она задержалась, и Кира, наверное, уже на подходе. Но если поторопиться, то еще вполне можно было бы успеть, даже не нарушая правил дорожного движения. А тут такой неприятный сюрприз! Теперь она точно опоздает, даже если поедет на метро. А уж о такси можно и вовсе забыть. Столичные таксисты не слишком-то рвутся доставить пассажира побыстрее.

Она скорчила скорбную гримасу и посмотрела на маленькие наручные часы. Нет, ну что за досада! Так не хочется спускаться в подземку, сто лет уже там не была и столько же не появлялась бы. Нет, положительно, нужно попробовать еще раз!

Она села за руль и включила музыку. Под *Dont Stop the Music* Рианны машина неожиданно завелась, и Ли́ка приободрилась.

– Живем! – заливисто засмеялась она, и тут случилось совершенно невероятное. Едва Ли́ка выкрутила руль, собираясь выехать со стоянки, как Рианну сменил Максим Леонидов со своим бессмертным: «Если он уйдет, это навсегда, только просто не дай ему уйти», а потом приборная панель автомобиля мигнула и погасла.

– Да ты что, дорогуша, шутить изволишь? – опешила Ли́ка, постучав изящным розовым ногтем по стеклу. – Нет, ну я вас умоляю, и это называется хваленое фирменное итальянское качество?!

Она вышла из машины и в сердцах стукнула дверью.

– Потом в автосервис позвоню, – буркнула она, пряча в сумочку ключи от автомобиля и направляясь к станции метро.

Теперь-то уж точно подземки не избежать, кроме как на метро, ни на чем больше не успеть. Да и на нем уже вряд ли.

На входе на станцию ее обдало сильной струей горячего воздуха, и светлая юбка моментально вздыбилась колоколом. Ли́ка поспешно прижала ее руками к ногам и, заметив заинтересованный взгляд темноволосого сухощавого парня, уставившегося на ее бедра, скорчила ему в ответ зловредную гримасу.

Как выяснилось вскоре, с этого ее приключения только начинались. Едва Ли́ка сбежала вниз по ступеням, как тут же заподозрила неладное: маленький зал был полон людей.

Впрочем, она сразу же отбросила глупые мысли в сторону, подбежала к кассам и встала в очередь. Действительно, всякое бывает. Пусть и не час пик, но, может, рядом какой-нибудь митинг проводили. Вот люди теперь и разъезжаются кто куда.

– Чем тут так воняет? – подергав носом, спросила она.

Тетка с паклеобразным перманентом, в зеленом клетчатом платье недобро посмотрела на нее и ничего не ответила. Ли́ка ехидно усмехнулась. Женщины подобного типа всегда недолюбливали ее, но это Ли́ку только забавляло.

– У вас веточка в причёске застряла. Ой, да тут не одна! Наверное, птички гнездо выют. Лика благожелательно улыбнулась и наивно распахнула светло-карие глаза.

– Нахалка, – процедила тетка, подхватывая под руку свою товарку. Та смерила гневным взглядом Лику и поддакнула:

– Блондинка, что с нее взять!

– Мне два билета, – мурлыкнула в окошко кассы Лика.

Отчего все-таки так много народу в зале и чем так воняет, Лика вскоре поняла. Сначала, правда, увидев залитый чем-то ярко-алым пол, она на секунду остолбенела. На мгновение ей показалось даже, что это кровь. Был когда-то у нее на практике такой случай, когда она с нарядом милиции попала буквально на бойню. Возникла перестрелка, и несколько человек изрешитили друг друга, а потом истекли кровью.

Лику тогда стошнило, и она решила для себя, что костыми ляжет, а работать в милицию не пойдет. Только где-нибудь в теплой сытой фирме, где хорошо платят и, кроме бумажек, юрист ничего не видит.

Но, к счастью, к крови эта красная лужа никакого отношения не имела: воняло масляной краской. И из шести турникетов работали только два.

Подойдя чуть поближе, Лика узнала, наконец, в чем дело: кто-то разлил десятилитровую канистру. Краска вытекла, и ее еще не успели убрать. Нервные пассажиры выстроились перед автоматическими турникетами, и обе очереди закрутились в тугую спираль.

– Дурдом какой-то, – обиженно пробормотала Лика, останавливаясь и с завистью глядя на редких прыгунов, которые перелетали через металлический турникет, как через кожаного козла на физкультуре.

Прыгать она, естественно, не решилась. Мало того, что народ только повеселит, так еще и в гадость, которая вряд ли нормально отмывается, вляпается.

Она смиренно встала в очередь и приготовилась ждать. Нервничать из-за опоздания уже можно перестать: время подбежало к четырем пятидесяти пяти. А это значит, что через пять минут у Киры начнется презентация ее новой книги. Господи, как стыдно! Лика вынула мобильник, чтобы предупредить подругу о том, что опоздает, но антенна была почти на нуле. Пришлось сунуть его обратно.

Наконец, когда она уже была рядом с вожаемым турникетом, случилось неожиданное. Мужчина, спортивный, накачанный, по-летнему одетый в белое, приложил магнитную карточку к желтому «пятак» и двинулся в открывшийся проход. Вероятно, что-то в недрах уставшего от напора толпы механизма замкнуло, потому что он вдруг хрюкнул и с грохотом закрылся. Надо отдать должное пассажиру, он оказался довольно ловок, но и турникет был не промах – успел его поймать. На белых брюках появилось серое пятно.

– Это что еще такое? – потирая ушибленный бок, рявкнул мужик. – Я же не зайцем проскакивал!

Дежурная по станции сконфуженно развела руками:

– Сама не знаю. В первый раз такое случилось.

– Как это не знаете? – включилась в перепалку потрясенная Лика. – Это что, так и меня сейчас может шандарахнуть? Я жизнью рисковать не намерена.

Она затормозила, создавая собой пробку в живом потоке пассажиров.

– Девушка, вы идете или нет? – дернул ее кто-то сзади.

– Не прикасайтесь ко мне! – взвизгнула Лика. – Буду стоять, пока мне гарантию не дадут, что со мной такого не случится.

– Правильно, девушка, я бы на вашем месте ни за что не стал рисковать. Этот механизм совершенно точно взбесился, – доверительно сообщил белобрысый парень, глядя на Лику с высоты своих метра девяноста. – Лучше идите сюда. С этой штуковиной у меня договор, она своих не трогает.

И он слегка посторонился.

– Черт знает что за день сегодня такой, – в который раз посетовала Лика и, не оглядываясь на парня, пошла в проход. Он тут же ее догнал и буквально приклеился слева, глядя на нее дерзким взглядом.

– Девушка, давайте познакомимся. Меня зовут Роман.

Лика скрипнула зубами.

– Рома, я вам очень благодарна за помощь, но будет лучше, если мы этим и ограничимся. Знакомство в метро не входит в мои планы.

– Да? Ну ладно. Но на братский поцелуй я могу рассчитывать? В плане благодарности, разумеется. Ничего больше.

Лика затормозила и смерила нахала свирепым взглядом.

– А может, тебе еще и хлеба с повидлом да сала в шоколаде?

– Варенье, пожалуйста, малиновое. Без сала можно обойтись. Не люблю.

Парень обезоруживающе улыбнулся, и Лика с досадой отметила, что ослепительные улыбки юных мачо не оставляют ее равнодушной. Слова, готовые слететь с губ, застряли у нее в горле, она прокашлялась и молча пошла к поезду.

– Девушка, а как же я? – крикнул он ей вслед. – Я же лучше этого монстра-поезда!

Он резво догнал ее и остановил, взяв за локоть.

– Так, слушай меня сюда, – вскипела Лика, выдергивая руку из его пальцев, – мне вон туда, а тебе в обратную сторону. Ты понял?

– Ага.

Он снова заулыбался, так радостно и открыто, что стало ясно: ничегошеньки он не понял. И даже не пытался. Потому что мальчишка привык всегда добиваться своего.

Уже переступая порог вагона, Лика успела услышать, как он сказал ей вслед:

– Особенно привлекли меня философские идеи «Бхагавад-Гиты». Они практически совпадают с тем пониманием реальности, к которому меня привело изучение квантовой механики.

Она застыла на пороге, а потом удивленно повернулась. Закрывшиеся двери отрезали ее от Романа, но они так и смотрели друг на друга через стекло, пока поезд не исчез в тоннеле.

Конечно же, Лика сразу узнала слова Юджина Вингера, лауреата Нобелевской премии по физике. Прежде всего потому, что последнее время сама увлеклась изучением Вед и уже успела прочитать по ним много литературы. Но пока очень тщательно скрывала свое увлечение от окружающих – не все готовы понять и разделить его.

Но услышать это высказывание от мальчишки, к которому отнеслась столь иронично! К такому открытию Лика оказалась не готова.

«Вот жизнь пошла, – думала она рассеянно, – молодняк Веды читает. А еще говорят, что у нас молодежь необразованная».

Она вспомнила одухотворенное лицо парня, каким увидела его в последний момент, перед тем как захлопнулись двери вагона. И подумала, что им, похоже, удалось чуть-чуть понять друг друга.

К Кире Лика, разумеется, опоздала. Вот бывает же так, что день если не задался с самого начала, то и дальше от него ничего хорошего не стоит ждать. Так и будет катиться, будто камень с горы. Выйдя из вагона и поднимаясь на эскалаторе вверх, она умудрилась оступиться, попала каблуком туфельки в щель между ступенями. Тонкая шпилька сломалась, и Кире пришлось прихрамывая брести наверх, а потом искать на улице обувной магазин. Поэтому в зале, где проходила презентация, Лика появилась, когда первая часть торжества уже закончилась и гости и приглашенные перешли к болтовне и спиртным напиткам.

Киру Лика увидела сразу. В платье цвета бургундского вина и с бокалом в руке. Она разговаривала с полным мужчиной жизнерадостного вида, а тот кокетничал с ней напропалую. Мазал масляными глазками по фигуре и лицу Киры и то и дело норовил взять ее за руку. Она отстранялась, сдержанно улыбаясь. По тому, как она нервно встряхнула длинными рыжими волосами, Лика поняла, что подругу надо спасать.

– Привет, Кира, – Лика скользнула взглядом по жизнерадостному типу, оценивая степень его опьянения. Судя по осоловелым кроличьим глазам, онпил с утра и был уже изрядно пьян. – Можно я украду вашу спутницу? На пару минуток, на пару минуток!

Она, очаровательно улыбаясь, оттеснила пьяницу локтем и, не слушая его возражений, потащила Киру за собой в дамскую комнату.

– Спасибо, – та облегченно перевела дух. – Ужасно прилипчивый тип, никак не могла отделаться от него.

Она достала из сумочки длинную шпильку и, скрутив жгутом волосы, ловким движением заколола их на макушке.

– Кто такой?

– Писатель Крымский. Пишет немного нудные рассказы из жизни животных.

– Не слышала.

– О, он творит только для избранных. Печатается малыми тиражами, преподносит это как особую доблесть и все уши мне прожужжал, как он презирает коммерческую литературу.

– То есть то, что пишешь ты, – уточнила Лика, глядясь в зеркало и подправляя помаду. – А я думала, он тебя клеит.

– Ты не ошиблась. Он успевал делать это одновременно.

Лика выпучила глаза:

– Как это? Хочешь сказать, он ухаживал за тобой, в то же время рассказывая, как он презирает тебя?

– Ну, не так прямолинейно. Все-таки критиковать род моих занятий и саму меня – несколько разные вещи. До перехода на личности он не опустился.

– Ах, ну да. «Милочка, вы такая красивая, что мне совершенно безразлично, что у вас в мозгах». Знакомо. Мерзкая позиция. Но в твоём варианте все усугубляется тем, что «парнишка» тебе завидует.

– Между прочим, как ты думаешь, сколько ему лет?

– Ну-у... – Лика потерла пальцем курносый нос и уверенно сказала: – Думаю, лет шестьдесят – шестьдесят пять.

– Не угадала. Этому «парнишке» всего сорок восемь.

– Да ладно!

– Ага. Моя знакомая врач по тремору рук и еще каким-то только ей понятным признакам диагностировала у него тяжелое поражение головного мозга. Предположительно арахноидит. Проще говоря – он допился до ручки.

– Ужас!

– Нет, ужас не в том. Он мне замуж предложил за него выйти, вот это – ужас.

– О, мой бог, меня сейчас стошнит.

Лика вспомнила одутловатое лицо, нездоровый цвет кожи, мутные глазки и брезгливо скривилась.

– В первый раз, что ли. Я такие предложения часто получаю, и претенденты все схожи. У меня уже комплексы скоро начнутся. Неужели я не достойна ничего лучшего? – огорчилась Кира.

– Не обращай внимания, люди вообще странные существа. Редко адекватно воспринимают действительность и себя любимых, – утешила ее Лика.

– Это да. Но иногда среди них попадаются весьма занятные. А тут...

– М-да. Это временные трудности, я точно знаю! Кир, ты извини, что я опоздала. У меня какая-то невезуха с самого утра. Сначала нервнобольной клиент попался, это я скромно его обозвала, а если по чесноку – так просто псих. Я из-за него задержалась в офисе. Потом рассчитывала на свои способности автогонщика – и у меня автомобиль сломался...

– Твой «Мазерати»? – ахнула Кира. – А разве они ломаются? Мне казалось, что автомобиль за такие бешеные деньги в принципе не должен сбоить, тем более новый.

– Я тоже так думала, – мрачно буркнула Лика, – как выяснилось – ошибалась. Но не будем о грустном. Ты тут еще надолго? Очень хочется в тишине посидеть, поболтать. Мне с тобой о своем, о девичьем поговорить надо.

– Скоро уже все закончится. Ладно, пошли в зал. Неудобно, и так надолго гостей оставили.

– Пошли, – радостно согласилась Лика. – Я бы не отказалась от пары-другой бокальчиков шампанского. На меньшее я сегодня не согласна.

Пока Лика претворяла свой план в жизнь, наливаясь шампанским, Кира усердно отвечала на вопросы, выслушивала комплименты и говорила в благодарность что-то светлое и хорошее. Крымский по-прежнему крутился рядом, как сторожевой пес, отгоняющий претендентов если не мощной харизмой, то массой, облаченной в потрепанную облезлую шкуру.

Тучная фигура писателя к концу вечера совсем оплыла, лицо покраснелось, и Кира боялась, что светило русской литературы пустится вразнос.

– Что-то мне поплохело, – заныла, подходя, Лика. – Я, пожалуй, отойду ненадолго. Надо немного организм в порядок привести.

– Лика, хватит пить. Ты сегодня в ударе.

– Есть немного.

Она покачиваясь пошла к выходу из зала, и Кира, спохватившись, крикнула ей вслед:

– Лика, тебя проводить?

– Я сама.

Она подняла вверх руку в знак того, что все у нее путем, а потом обессиленно уронила ее вниз.

Кира озабоченно смотрела вслед подруге, переживая за нее. Лика любила выпить хорошего вина, да и в сортах коньяка неплохо разбиралась. На этой почве даже когда-то близко сошлась с мамой Киры: Нина Михайловна слыла в своей среде большим знатоком элитного коньяка. Но сегодня Лика явно превысила свою планку.

Разговоры вокруг на мгновение стихли, и Кира услышала за спиной шаги. Запах дорогого мужского одеколона заставил ее обернуться.

Вас когда-нибудь поражало, будто громом, только оттого, что вы столкнулись с кем-то взглядом? Его до невозможности синие глаза смеялись, и из них словно лился свет. Или сам парень был окружен светом – Кира не разобралась, до того была ослеплена. А еще у нее перехватило дыхание и впервые за последние десять лет вспыхнули от смущения щеки.

– Добрый вечер. Меня зовут Лес. Не могли бы вы подписать для меня вашу новую книгу?

Она машинально взяла протянутый им экземпляр и переспросила:

– Кто вы? Извините, я не расслышала ваше имя.

– Лес. Это сокращенно от Алексей, – пояснил парень. – Алекс, Лекс, Лес. Вот такая незамысловатая цепочка.

– Не скромничайте. Ничуть она не проста, ваша цепочка, целых четыре позиции. Хотя, вы правы, бывают имена и посложнее. – Она быстро чиркнула автограф на книге. – Вот у моей подруги, к примеру, домработницу Марсельезой Карповной зовут.

Кира протянула ему книгу.

– А можно еще один автограф? – спросил Алексей. – Для моей бабушки.

– Ваша бабушка читает мои книги? Это очень приятно. Конечно же, давайте подпишу. Как ее зовут?

– Тамара.

– М-м, какое красивое имя.

– Главное, редкое.

– Это да.

Кира написала несколько приятных слов незнакомой старушке, которую ей скорее всего никогда не предстоит увидеть. А хотелось бы взглянуть на женщину, у которой такой ослепительно красивый внук. Интересно, они похожи? Бабушка – это, конечно, не мама. Это на мам, по законам генетики, чаще всего похожи сыновья, как и на отцов – дочери. Но все же почему-то ей очень хотелось посмотреть на бабушку.

– Вот, возьмите, – она протянула Лесу книгу. – И передавайте ей привет от меня.

Он взял книгу так, что коснулся Кириной руки и задержал ее в своей ладони.

Кира удивленно вскинула на него глаза:

– Что-нибудь еще?

– Да. Я с нетерпением буду ждать вашей новой книги.

А в глазах его – такой омут... Сердце у Киры оборвалось и ухнуло куда-то вниз. И тут рядом с нею материализовался изрядно захмелевший Крымский и вцепился в нее потными толстыми лапами.

– Вот ты мне скажи... Нет, вот честно скажи, ты могла бы написать такую книгу, какие пишу я? Ты могла бы написать мою «Проторенную тропу», – пьяно покачиваясь и дыхнув на нее перегаром, спросил он.

– Конечно же, нет, это целиком и полностью ваша прерогатива. – Кира осторожно попыталась освободить свой рукав из его рук.

– Вот именно! – он воздел указательный палец вверх и важно выпятил нижнюю губу. – Так, как я, не может написать никто!..

Алексей, до этого стоявший молча, внезапно решил вмешаться. Он перехватил писателя под локоток и, доверительно склонившись, сказал ему в самое ухо:

– Как большой поклонник вашего творчества, я давно хотел задать вам один очень важный для меня вопрос...

Крымский, видимо, услышал такие приятные слова впервые и от удивления даже немного протрезвел. Весь обратившись в слух, он довольно заулыбался и почему-то перешел на дискант:

– Да-да, молодой человек, я вас внимательно слушаю!

– Не могли бы вы дать свою концептуальную оценку тенденций развития современной литературы как базиса бесконечных жанровых комбинаций, определяющих прирост либо потерю капитала для целей общества?

Крымский замер и выпучил глаза. Он тщетно пытался сообразить, не сказал ли чего обидного для него собеседник, но так и не смог вспомнить фразу.

Лес снисходительно похлопал его по плечу:

– Вы пока подумайте, а я позже обязательно подойду.

Алексей подхватил Киру под руку и отвел от стоящего в замешательстве Крымского. Кира посмотрела на Леса с благодарностью.

– Спасибо, – сказала она, – признаться, он меня изрядно утомил. Терпеть его не могу.

– Не за что. – Глаза Леса смеялись. – Так на моем месте поступил бы каждый: спасти красивую девушку от монстра – что может быть более традиционным?!

И ее опять окатило волной нежности, льющейся из его глаз.

«Да что же это такое, – нервно подумала она, – краснею и млею, как школьница». Ей вспомнилась летняя звездная ночь, пионерский лагерь и мальчишка с выгоревшими до

белизны волосами. Он все время острил, а она смеялась, запрокидывая голову. А потом они целовались, сбежав от всех и спрятавшись в кустах жимолости. Ах, как же он нравился ей! И Кире тогда казалось, что эта любовь – на всю жизнь.

Она встряхнула головой, прогоняя наваждение.

– Вы извините, Алексей, мне нужно идти.

Она уходила от него не оглядываясь, словно сбегая. Но, пожалуй, все-таки не от него, а от себя.

Позже, оставшись одна, Кира судорожно пыталась привести мысли в порядок. Похоже, она лет сто или больше не испытывала ничего подобного. А может быть, и никогда. Когда-то давным-давно, в другой жизни, она очень любила своего мужа. И эта любовь изорвала ей за десять лет душу в клочья, и вот уже столько же лет она одна.

Его предательство и измена – об этом всегда было больно вспоминать. Но сейчас, быть может, впервые со времени развода Кира думала о нем отстраненно и даже несколько равнодушно. И это ее радовало.

Последние годы совместной жизни с Андреем вспоминать было особенно неприятно. Он приходил домой изрядно навеселе, а потом изнурительно и занудно доставал ее и детей, читая нотации и придираясь к мелочам. Дети пугались и плакали, а она каждый раз порывалась схватить их в охапку и бежать из дому куда глаза глядят.

От его монотонного холодного голоса, от менторского тона хотелось выть. Но наступало утро, и все исчезало. Больше не было жестокого тирана, а появлялся любящий муж, терзаемый чувством вины.

Когда Кира стала уставать от таких метаморфоз, она каждый раз после очередного скандала пыталась прервать надоевший брак. Тогда муж устраивал настоящий театр с заверениями в любви. Слезно просил прощения, а в особо тяжелых случаях – ползал на коленях и валялся в ногах. Дети, Костя и Анфиса, плакали и просили маму папочку простить. Кира уступала, а вскоре, через неделю-две, все повторялось снова.

В тот день, когда Андрей ушел, Кира одновременно испытала облегчение и горечь. У нее словно гора упала с плеч и выросли крылья, так ей стало легко. Но несмотря на это, сама себе она казалась испуганной птицей, мечущейся по небу в поисках утерянного рая и не знающей, где его искать. Одиночество и страх стали ее спутниками на долгие годы. Может быть, поэтому все, что делала Кира потом, у людей, знавших ее, попросту не укладывалось в голове.

Ей вдруг стало казаться, что, если Андрей вернется, все у них будет так, как раньше, когда они только начали вместе жить. Бред, без сомнения. Но тогда она не понимала этого. И потому выслушивала его, когда он ей по ночам звонил, дарила маленькие милые подарки и помогала советами, когда он, рассорившись со своей новой женой, приходил к Кире жаловаться на жизнь.

Прекратилось все это по ее инициативе: у Андрея в новой семье родился ребенок, и Кира перестала отвечать на его телефонные звонки и сменила замки в квартире.

Позже ей самой было странно вспоминать о том своем состоянии. Это походило на помешательство, так думала она теперь. Разве можно в здравом уме и твердой памяти самой растаптывать себя? Однако она делала именно это.

И потому потом постоянно сознательно и подсознательно избегала серьезных отношений: ей было страшно снова оказаться в своем прошлом. Зачем, к чему влюбляться? Любовь – это болезнь. А ведь так хорошо жить без нее.

* * *

В маленьком ресторане, где Кира и Лика уединились после презентации, было уютно и тихо. К инструменту вышла девушка со светлыми тонкими волосами и нежно тронула пальцами клавиши рояля. Она играла что-то волнующее и трогательное. Подпевая ей, рыдал саксофон и тонко плакала скрипка. А когда на сцену вышел седовласый пожилой красавец и глубоким страстным баритоном запел о любви, Кира не выдержала и заплакала.

Судорожно вздохнув, она приложила салфетку к глазам и помахала себе ладошками в лицо, с натугой смеясь.

– Кира, ты чего? – испуганно спросила Лика.

– Все нормально. Просто мелодия очень красивая. Люблю саксофон.

– Я тоже, – Лика пригубила коктейль и отставила его в сторону, оглядывая зал. Не заметив никого из знакомых, она немного расслабилась и снова подвинула к себе бокал.

Кира задумчиво болтала ложечкой в чашке с чаем. То, что она еще способна испытывать настолько сильные эмоции и ее даже пробивает на слезу, неприятно поразило ее. Гораздо спокойнее жить, когда чувствуешь, что выше всего этого.

– Нет, ну как такое может быть, чтобы моя новая машина, нехилой марки, смею напомнить, взяла и сломалась? – Лика тараторила без умолку, избавив тем самым Киру от необходимости отвечать. Вопросы, которые она периодически задавала, были, разумеется, риторическими. – Вот ты скажи, а? Я что думаю: может, на фирму в суд подать? Нет, не для денег, а чисто, чтоб другим неповадно было. Мне нетрудно, для меня как для юриста суд – что дом родной. Хотя, с другой стороны, хлопотно это все...

– Судиться?

– Ну да. Одно дело, когда судится кто-то, а ты его интересы представляешь, и совсем другое – когда судишься сам. Вот веришь, меня совершенно не напрягает, когда я чужими делами занимаюсь. Там как-то все отстраненно воспринимаешь. И совсем другое дело, когда как истец в суд идешь. Противно. Нет, пожалуй, не буду я с ними связываться. Разве только по-другому совсем будет нельзя. Но я лично в этом сомневаюсь, фирма-то серьезная. – Лика мельком глянула на часы и разочарованно протянула: – Еще почти пять часов до конца этого противного дня.

– А чем тебе прелестный пятничный день не угодил?

– О, я сейчас столько всего расскажу! – Лика опять затараторила, плавно перейдя от сегодняшних событий ко всей своей жизни. Подруги давно не виделись, и Лика торопилась выложить все, что с ней произошло за это время, что на душе наболело. Скопилось всего довольно много. Кира с интересом слушала, потихоньку помешивая горячий чай. Потом, отхлебнув, отставила его в сторону. Напряжение не спадало, и ей захотелось последовать совету знатоков и расслабиться доступными в ресторане средствами.

– Пожалуй, я закажу коньяк, – сказала она, поднимая вверх руку и подзывая официанта.

Лика, фигуристая тридцатилетняя блондинка, распространяла вокруг себя ауру здоровой сексуальности и свободы. Киру всегда забавляло, как представители сильного пола бойко реагируют на ее подругу. Вот и сейчас двое мужчин за соседним столиком, рискуя свернуть шеи, разглядывали их обеих.

Может быть, они бы и решились на активные действия, но полное отсутствие интереса к ним у подруг, вероятно, пугало их. Кому охота получить отказ.

– И вот представляешь, – продолжала рассказывать Лика, – двери уже закрываются, а он мне вдруг говорит: «Особенно привлекли меня философские идеи «Бхагавад-Гиты». Они практически совпадают с тем пониманием реальности, к которому меня привело изучение квантовой механики». Нет, Кир, ты только подумай, он мне Юджина Вингера процитировал!

Что за молодежь нынче пошла, мы в их возрасте пиво по подворотням пили да в бутылочку играли.

– Да ладно, что ты врешь-то?! – засмеялась Кира. – Когда это ты пиво пила и в бутылочку играла!

– Ну, вру. Что мне теперь, и пофантазировать нельзя? – вздохнула Лика. – Может, я это считаю самым большим упущением в своей жизни! Надо было не за учебниками сидеть, а наслаждаться молодостью и красотой. Вот теперь страдаю.

Она заметила кавалеров, ерзающих от нетерпения и бросающих призывные взгляды, и скорчила такую смешную гримасу, что они мигом отвернулись. Лика вернула на место глаза и рот и загрустила.

Кира не выдержала и захохотала.

– Ох, мученица ты наша, – вытирая слезы, простонала она. – Расскажи лучше, как у тебя дела с твоим аристократом?

– Ах да. Я ж забыла, мне с тобой посоветоваться надо. Ты знаешь, мой аристократ активизировался. Зовет меня к себе в Лондон на две недели. Как думаешь, поехать или что?

– Лика, я тебя не узнаю. С чего это вдруг у тебя сомнения возникли?

– Ну, понимаешь, – Лика помялась, – он как-то странно зовет... Я даже не пойму, по-серьезному или просто так, от нечего делать. С другой стороны, я к нему недавно ездила. Хорошо отрывались. С чего бы ему меня снова к себе просто погулять звать?!

– Ну и что? Я не пойму, чего именно ты боишься?

– А если вдруг он меня замуж позовет? Я ж не готова. Даже не знаю, что в ответ буду лепетать.

– Почему это?

– Да потому что сюда он не приедет, а там мне придется сидеть дома и ничем не заниматься. Кому я в Англии со своим российским дипломом юриста нужна? Пусть даже и с дипломом МГУ.

– Ни в жизнь не поверю, что ты будешь сидеть сложа руки. Найдется дело, поверь мне. Не по специальности, так еще как-то. И потом, насколько я помню, женам лордов работать не положено. Они благотворительностью занимаются.

Лика обиженно засопела.

– Вот и ты меня не понимаешь. Не представляю я себе такой жизни, мне ж не пятнадцать лет. Это в молодости все легко – куда попал, там и выживать научился. А мне уже тридцать восемь...

– Тридцать шесть. Тридцать восемь – это мне. Вчера как раз исполнилось.

– Фу, Кира, ты бываешь редкой занудой. Даже поплакаться всласть и то не даешь.

– А ты не плачься, тебе это не идет.

Официант наконец принес коньяк и поставил бокалы перед дамами.

– Предлагаю выпить за мое занудство, – сказала Лика, – а еще – за твою осторожность. Вот чего мне всегда не хватало!

– По-моему, тебе это ничуть не мешало в жизни. Так что лучше давай за нас, несравненных.

– Принимается, – Лика засмеялась.

От выпитого коньяка приятное тепло разлилось по телу, и Кира наконец расслабилась.

– Вот выйдешь замуж за своего лорда, – мечтательно произнесла она, подпирая щеку кулаком, – родишь ему парочку лордят и будешь гулять с ними в Гайд-парке. А я стану приезжать к тебе изредка в гости, нянчить детишек и по вечерам у камина пить с тобой красное вино.

– Так, подруга, хватит пить. Что-то тебя сегодня не по-детски от одного бокала повело. Или на презентации успела перебрать? Напоминаю: я в принципе против деторождения! Моя миссия на Земле состоит не в этом.

Кира тихо засмеялась.

– Да-да, дорогая, я помню. Но как жаль, что ты не хочешь иметь детей! Они были бы очаровательными, похожими на тебя и твоего лорда.

Лика меланхолично пожала плечами.

– Ничего не могу поделать. Мне ангел-хранитель на ушко шепнул, что и без меня найдется кому детей нарожать. А моему аристократу, я надеюсь, это без разницы. У него есть пара детишек от первой, ныне покойной, жены.

Оркестр заиграл сальсу, и к сцене потянулись парочки. У столика Киры и Лики тут же возникли мужчины, вероятно, успевшие забыть ужас от недавней Ликиной гримасы.

Кира отрицательно покачала головой. Лика же с удовольствием подхватила с места и, пританцовывая на ходу, пошла к центру зала.

Глава 2

Настоящее время. Двадцать шестое мая. День

Зареванная Анфиса сидела на диване и то и дело вытирала распухший красный нос платком.

– Она же найдется, правда? – спросила она у вошедшего в комнату Алексея.

– Конечно. Анфиса, давай не будем оплакивать маму раньше времени. Не реви, я очень тебя прошу.

– А я не могу!

Она упала лицом в подушку и зарыдала в голос.

– Алексей Иванович, – с акцентом сказала домработница Марфа, заглядывая в дверь, – к вам тут из полиции пришли. Выйдете или сюда пустить?

– Не надо сюда. Я спущусь.

Он быстро сбежал вниз по лестнице и окинул взглядом гостиную.

Полицейский в углу стоял спиной к двери и разглядывал одинокую золотую рыбку в аквариуме. Услышав шаги, он обернулся и сдержанно улыбнулся.

– У вас есть какие-нибудь новости?

– Какие новости?! Я их ждал от вас, – ответил Алексей.

Полицейский тяжело вздохнул:

– Ничем пока не могу вас порадовать. Расскажите-ка лучше подробно еще раз все, что касается исчезновения вашей жены. Я по телефону не слишком хорошо понял.

– Она обычно по ночам работает. Пишет. Встает около одиннадцати часов утра. Редко позже. Сегодня я хотел прокатиться вместе с ней по магазинам: у жены день рождения завтра. Ждал, когда она встанет, до половины первого, потом поднялся к ней в кабинет. Когда она особенно долго засиживалась за работой, оставалась спать там, не спускаясь в спальню.

– А жена знала о ваших планах?

– Каких?

– Я имею в виду поездку по магазинам.

– Разумеется.

– А почему вы не пошли будить ее раньше?

– Боялся, что не дам ей выспаться. Вы сами когда-нибудь работали по ночам?

– Это к делу не относится, – насупился полицейский. – И что было дальше?

– Дверь оказалась плотно прикрыта. Я прислушался, надеясь, что Кира уже встала, но стояла абсолютная тишина.

– И тогда вы вошли?

– Нет. Спустился вниз и сварил крепкий кофе. Поставил чашку на поднос, положил рядом плитку шоколада и опять пошел в кабинет.

– И что там?

– А там оказалось пусто. Постель не разобрана, компьютер выключен. Подозреваю, что он после длительного простоя ушел в спящий режим сам.

– Вы искали ее?

– Конечно. Но сначала нашел падчерицу Анфису. Она на веранде рисовала шторм. Хотел узнать, может быть, она в курсе, где Кира.

– Узнали?

– Увы. Анфиса ответила, что мать накануне никуда не собиралась, во всяком случае, ей об этом ничего не известно. Я еще некоторое время допытывался, думал, узнаю какие-нибудь

детали. Но увы. Сделать вывод, где может быть Кира, не получилось. Только тогда я обошел все комнаты и опросил прислугу. Да, еще пробовал на сотовый жены позвонить. Он оказался выключен.

– Что было потом?

– Я не мог поверить, что действительно случилось плохое. Искал в саду и на берегу. А потом пришла Анфиса и сказала, что нашей яхты нет.

– Именно тогда вы позвонили в полицию?

– Нет. У меня все еще была надежда, что это недоразумение, может быть, шутка.

– Ваша жена склонна к странным шуткам?

– Как бы вам это объяснить... – Алексей задумчиво посмотрел поверх головы полицейского в окно. – Она человек творческий, от нее всегда можно ждать неожиданностей. Поэтому я предпринял последнюю попытку самостоятельно разобраться в том, что произошло. Я поднялся наверх и включил компьютер.

Он помрачнел, и полицейский сразу насторожился, как собака, почуявшая дичь.

– Там было что-то криминальное?

– А? Нет, – Лес поморщился. – Никакого криминала. Но текст, который был набран последним, – он показался мне каким-то странным. Очень не похож на все, что она писала раньше.

– Время сохранения файла посмотрели?

– Да. Около восьми утра.

– А где были в это время вы? Спали?

– Нет. Я встал сегодня в семь утра. А в восемь мы с Анфисой – моей падрицей, – встретились на берегу, чтобы обсудить некоторые детали предстоящего дня рождения. Мы хотели устроить Кире сюрприз.

– До какого времени вы были на берегу?

– Я точно не помню. Но недолго. Потом мы вернулись в дом, и я пошел к себе – нужно было ответить на письма по электронной почте, а чем занималась Анфиса, я не знаю. Может быть, собирала мольберт и краски, чтобы выйти на натуру. Это лучше у нее самой узнать.

– Я уже с ней разговаривал. Она была в своей комнате и никуда не выходила. Спустилась с мольбертом на веранду в половине одиннадцатого.

Полицейский поморщил усы, отчего они смешно встали ежиком, и закружил в задумчивости по гостиной.

– Можно я осмотрю дом?

– Конечно, – Алексей встал.

У косяка двери, ведущей из кухни в гараж, полицейский остановился и, присев, начал разглядывать небольшое пятно.

– Это что? – поднял голову он, вглядываясь в лицо Леса.

– Понятия не имею.

– Вам не кажется, что это кровь?

Лес присел рядом с полицейским. Долго вглядывался в дверной косяк, потом пожал плечами:

– Не знаю, что вам это дает? Даже если кровь – мало ли как и откуда она попала сюда?

– Ну, не скажите, – набычился полицейский. – Это же вам не капля варенья, чтоб так рассуждать.

Надежда, что Кира появится на пороге и все объяснит, таяла с каждой минутой. Свидетелей выхода катера из гавани так и не нашлось, но поверить, что он просто испарился, было трудно.

– Должен же он куда-то исчезнуть?! – возмущался Лес. – Поднимайте в небо вертолеты!

– Нельзя, – меланхолично отвечали ему, – штормит.

Непогода успокоилась только к концу второго дня. Поиски в океане начались утром третьего. Еще через три дня их решено было прекратить.

В ответ Алексей поднял на ноги всю полицию Австралии, Киру искали еще десять дней, но ни малейшей зацепки так и не нашли. Ничего. Никаких следов яхты.

– Может быть, вы поссорились накануне? – в который раз устало спросил его полицейский.

– Мы не ссорились. Ни накануне, ни неделю назад, ни две. Мы вообще не конфликтовали, – упрямо повторил Лес.

Полиция особого рвения в расследовании исчезновения иностранки не проявляла. Это, а также желание свалить всю вину за исчезновение Киры на бытовую ссору бесило Алексея.

– Вы бы вернулись к себе в Россию, может быть, ваша жена уже там. Улетела к маме, к подругам, наконец, – вкрадчиво убеждал его детектив. – Женщина, когда ей плохо, всегда ищет, кому можно пожаловаться.

– Кире не на что жаловаться, – едва сдерживаясь, чтобы не взорваться и не нагрубить, закипал Алексей. – Мы были счастливы, понимаете!

– Вы, наверное, все-таки обидели ее чем-то, – уверенно говорил полицейский, – поверьте мне, человеку с большим опытом семейной жизни: женщины – непредсказуемый народ. Вот вы здесь волосы на себе рвете, а она там с мамой на кухне кофе попивает.

– Но яхты-то нет!

– Найдется, – уверенно заявил полисмен. – Может, ее от пирса оторвало и в океан унесло, а может, ваша жена оставила ее где-нибудь на стоянке. Или в аренду кому-нибудь сдала. Женщины – они такие... Он хотел сказать «ехидны», но посчитал это слово неподходящим для откровенностей с посторонними. Задрав голову вверх, задумался, пытаясь подобрать что-то помягче, но махнул на это дело рукой. – В общем, с ними не соскучишься. Поезжайте домой и ищите ее там. Виданное ли дело: две недели вертолеты летали и не нашли. В копеечку вам, должно быть, поиски-то эти вылились. Найдете жену, передайте ей от меня, чтобы больше так себя никогда не вела.

Лес странно себя чувствовал. С одной стороны, мысль о том, что Кира улетела, ничего не сказав ни ему, ни Анфисе, казалась ему абсурдной. С другой – его так активно убеждали в этом, что он вынужден был согласиться. К тому же его личный счет стремительно пустел, и продолжать упрямствовать он уже не мог.

Спустя две недели после исчезновения Кире. Девятое июня. Москва

– Анатолий, ты должен мне помочь!

Нина Михайловна, разъяренная московской жарой и пробками на дорогах, влетела в кабинет прокурора города.

– Ниночка, дорогая, ты, как всегда, неподражаема, – Анатолий Петрович поднялся со своего места и, перехватив сухую ладонь Нины, впился в нее губами. – Как поживаешь? Ничего не случилось?

– Анатолий, ты не в курсе?! Вся Москва гудит!

– Да что произошло-то? – занервничал он.

– Кира, моя дочь, пропала! – Нина Михайловна, не выдержав, разрыдалась, и Анатолий Петрович бросился наливать ей воды.

– Как это – пропала? Когда? – он подал ей стакан и сел рядом.

Жадно сделав несколько глотков, Нина Михайловна придвинулась поближе и склонилась к лицу Анатолия Петровича.

– Это он ее убил. Ее прощелыга муж.

Прокурор отшатнулся. Встав, нервно зашагал по кабинету, то расстегивая, то застегивая пуговицы синего мундира.

– Нина, ты говоришь какие-то страшные, безумные вещи. Я не могу поверить в это.

Киру он знал с младенчества. С Ниной Михайловной, своей троюродной сестрой, Анатолий вырос в одном дворе и питал к ней самые добрые чувства. Подружка по детским играм и объект его первых юношеских мечтаний – она и позже продолжала нравиться ему. Даже когда вышла замуж и родила дочь. Да что там! Он был всегда в нее влюблен. И непременно женился б, если бы Нина, его Ниночка, хоть капельку отвечала на его чувства взаимностью. Но она всегда видела в нем всего лишь родственника, пусть и дальнего.

Когда родилась Кира, Анатолий сам вызвался стать ей крестным отцом. Он сказал тогда, если Нина откажет, то нанесет ему тем самым огромную обиду на всю жизнь. Нина, разумеется, согласилась, а он размышлял, что когда-нибудь будет Кире настоящим отцом.

Но время шло, а Нина его любви не замечала. В тридцать пять лет она овдовела, и он, выдержав положенный срок траура, пришел к ней свататься.

– Замуж? – удивилась она. – Толик, мы же брат и сестра!

– Троюродные, – уныло согласился он.

О том, что Нина Михайловна – человек категоричный и резкий, он прекрасно помнил. Для нее никогда не существовало полутонов, и она всегда знала, как в жизни поступать правильно. Так, родственники не должны иметь между собой половую связь, иначе это – инцест. И не важно, что родство их – седьмая вода на киселе.

Постепенно его чувства утихли, он женился и даже родил в браке двоих сыновей. К Ниночке же своей он относился по-прежнему с теплом и любовью, хотя это чувство трансформировалось с течением времени в чисто дружеское.

Сейчас, пока Нина Михайловна рыдала, закрывая лицо руками и сморкаясь то и дело в батистовый платок, Анатолий Петрович достал коньяк и плеснул в два бокала. Сначала Ниночке, потом себе. Он всегда держал для нее бутылочку особого, элитного, как она любит. Жаль только, случай сейчас неподходящий, иначе она обязательно бы оценила букет коньяка.

– Нина, выпей.

– Господи, как же мне тяжело! – запричитала она, вцепляясь двумя руками в пузатый бокал и, видимо, плохо соображая, что именно перед ней. Она рассеянным взглядом уставив-

лась в пространство, а потом тонко, тягуче завывала: – Как мне жить теперь, как мне жить, Толя? Она же у меня одна, кому я на старости лет нужна?

– Нина, пожалуйста, успокойся. Выпей, тебе станет немного легче. А потом расскажи мне по порядку все, что знаешь. Иначе я ничем не смогу тебе помочь.

– Да-да-да, – мелко закивала она, хлебнула коньяк, как чай, и, поморщившись, отставила бокал в сторону, – я сейчас все, абсолютно все тебе расскажу. Случилось так, что Кирочка недавно получила от двоюродной бабки наследство. Это для меня лично не слишком близкая родня – Мария приходилась тетей покойному мужу моему, Даниле. А ее мать – родная сестра Володиной бабки. Она еще в тридцатые годы выехала в Канаду, да там и осталась. Времена, знаешь сам, какие были: за связи с иностранцами органы могли большие неприятности устроить. А тут – родственница. В общем, мы с Анной из страха почти не общались и потому постепенно потеряли с ней связь. Но прошло время, и вдруг выяснилось, что Анна из Канады переехала жить в Австралию, там вышла замуж и родила дочь – Марию. Девочка была замужем, но осталась бездетной. От мужа ей достались неплохие деньги – тридцать миллионов долларов. После его смерти она удачно вложила их и увеличила свое состояние в несколько раз.

– Во сколько? Какая сумма досталась в наследство Кире?

Нина Михайловна понизила голос, будто боялась, что их подслушают, и шипящим шепотом произнесла:

– Чуть меньше полумиллиарда долларов.

Анатолий Петрович присвистнул.

– Повезло же Кире...

– Толя! Думай, что говоришь!!! Девочка поехала в Австралию с мужем и Анфисой и исчезла! – она зарыдала. Немного успокоившись, вытерла нос и глаза и продолжила рассказ: – И все было хорошо сначала, кто бы мог подумать, что так это закончится. Там, в Австралии, очаровательная вилла. Кирочка присылала мне фотографии. Вид из окон чудесный. После улаживания всех формальностей с наследством Кира решила с семьей остаться там, отдохнуть. Почему бы нет? Девочка много работает, ей нужен отдых. Она мне часто звонила, радостная такая, смеялась все время. Двадцать седьмого мая у Кирочки день рождения...

– Я помню.

– Да, знаю. Я хотела в этот день ей позвонить, поздравить, но накануне мне вдруг что-то тревожно стало. Вот знаешь, Толь, сжалось сердце и давит, давит... Ну, я и набрала номер ее сотового. Думаю, если она поднимет трубку, ничего плохого про свои предчувствия говорить не стану. Скажу, что просто захотелось позвонить, расспросить, как она думает свой день рождения отмечать. Сижу, жду, а она трубку все не поднимает. Я нервничать начала. Опять номер набираю – а она уже недоступна!

Нина Михайловна опять всхлипнула и потянулась к бокалу с коньяком. Анатолий Петрович быстро схватил бутылку и плеснул еще.

– Ты представляешь, что я чувствовала? Я телефон оборвала, раз за разом дозваниваясь ей. А потом позвонила Анфисе, а она говорит, мол, мама спит. Под утро, дескать, только легла. Ну, я и успокоилась! Чего, думаю, Кирочке мешать, пусть девочка отдыхает. На следующий день звоню поздравить с днем рождения – опять ее телефон не отвечает. А потом узнала, что ее нет...

Последние слова она прошептала и, задохнувшись, начала беззвучно рыдать.

– Толя, найди ее. Я тебя очень прошу. Может, она еще жива?! Она же должна быть жива, да?

Анатолий Петрович испуганно посмотрел на нее, и она сразу поняла его взгляд.

– Думаешь, я схожу с ума? Не переживай, у меня психика крепкая. Просто не могу думать о ней как о покойнице. Живая она для меня. Толя, накажи его, я тебя очень прошу. Пусть сгниет в тюрьме, никогда оттуда не выйдет.

Анатолий Петрович молча разлил оставшийся коньяк и, залпом выпив, посмотрел пристально в глаза Нине Михайловне.

– Нина, я сделаю все, что от меня зависит. И даже больше.

– Да, я знаю, Толя. Ну вот как мне после этого жить? Кирочка никогда сама не вышла бы в море: она с детства боялась воды. А тут вдруг на яхте, в океане, одна. Я не поверю этому ни на секунду! О, боже мой, – заскулила она, – он ее убил! Он! Будь они прокляты, эти деньги, ради которых он это сделал. Лучше бы она никогда не получала наследства.

– Ниночка, успокойся. Если он виновен, ответит по всей строгости закона.

Прокурор скрипнул зубами и придвинул к себе телефон.

* * *

У какого бы транспортера вы ни стояли, ваш багаж обязательно появится на другом – эту истину Алексей успел проверить на себе неоднократно.

Почему в этот раз, в порядке исключения, провидению не отменить бы этот закон?

Он со вздохом перешел к другой ленте, потянув за собой Анфису. Она после исчезновения матери до сих пор пребывала в шоке. Хотя она уже не плакала, но была заторможена и не отходила от Алексея ни на шаг. Лицо ее при том ничего не выражало, будто у пластмассовой куклы. Она двигалась механически, как автомат, и Лесу все время приходилось следить за Анфисой, чтобы не потерялась.

На втором транспортере сумка Леса приехала первой. Он поставил ее рядом с собой и, сжав узкую ладонь Анфисы, сказал:

– Смотри внимательно, сейчас должен и твой багаж появиться. Не пропустишь?

– Ты куда?

– Воды куплю попить.

– Не уходи!

Анфиса вцепилась в него мертвой хваткой, и он остался.

Когда обе сумки, и его и Анфисы, оказались у него в руках и все формальности были соблюдены, они направились к выходу.

– Ты хотел воды купить, – вяло напомнила Анфиса.

– Обойдусь. Куда тебя отвезти?

– А ты куда поедешь?

– К себе. В свою старую квартиру.

– А я тогда к бабушке. Не могу сейчас оставаться одна.

* * *

Такси остановилось у его подъезда, он расплатился с шофером и поднялся на свой этаж. Квартира, в которой он давно не был, встретила его затхлым воздухом и тишиной. Алексей намеренно приехал сюда, чувствуя, что не в силах видеть вещи Киры – ее чашку, оставленную на столе, платья, которые она собиралась взять, но в последний момент передумала, ее любимое кресло, ее плед, ее...

Он был к этому не готов и потому предпочел вернуться в свою старую квартиру. Почему-то ему казалось, что в ней будет легче. Но он ошибался. Все и здесь было пропитано памятью о Кире. Вот тут она сидела, листая журнал, в первый раз, когда пришла к нему. Тут они целовались, а там занимались любовью.

Лес застонал и, отшвырнув сумку, бросился вон. В тот вечер он впервые напился до потери контроля над собой. Как добирался домой из бара, Алексей позже так и не смог вспомнить.

* * *

Утром десятого июня желтая пресса запестрела заголовками: «Миллионер из трущоб заказал свою жену», «Исчезновение известной писательницы и миллионерши: кто виноват?», «Миллионное наследство не принесло счастья: Кира Карелина мертва», «Много шума – и... ничего. Кто убийца?»

Алексей как раз спустился в магазин, чтобы купить минералки. После выпитого вчера ему было плохо, но опохмеляться Лес принципиально не хотел. Взял бутылку и только, откупорив, поднес ее к губам, как взгляд его наткнулся на фотографию. На первой полосе газеты улыбающиеся и счастливые – он и Кира. По инерции отхлебнув, поперхнулся и вытер рот рукой.

Алексей скупил все, что смог найти. Старушка продавщица оказалась не слишком любопытна и не узнала его. Или же зрение ее было не той остроты, чтобы признать по фото человека. Она равнодушно протянула ему сдачу и стопку купленных им газет.

Но проходящие мимо девчонки вдруг остановились и начали шушукаться, показывая на Алексея. Испарина выступила у него на лбу. Может, причина такого интереса к нему была в чем-то ином, но он чувствовал себя как голый на балу. Быстро влетев в свою квартиру, Лес закрылся и сел за стол. Разложил перед собой прессу и методично, по порядку, прочел все, что принес.

Как и ожидалось, правдивая информация была искусно перемешана с полуправдой и откровенной ложью. Он, разумеется, выглядел сущим злодеем, а Кира – невинно убиенной страдальцей. И никого не интересовало, что еще не доказан ни факт ее смерти, ни его причастность к ней. Журналистские домыслы часто кажутся правдой, когда это касается других. Но чем ближе нам описываемые события или люди, тем очевиднее извращение фактов в подаче материала.

Ясно одно: имя его до такой степени смешано с грязью, что лучше ему нигде не появляться. Внешность у Алексея запоминающаяся, так что идентификация фотографии с оригиналом не составит труда. Да и шепот за спиной он долго еще будет слышать, чем бы ни закончилась эта печальная история. Люди всегда гораздо охотнее верят дурному, чем хорошему.

В среду, надев темные очки и надвинув бейсболку на лоб, он отправился на тренировку.

– Шифруешься? – спросил Васильич, мельком бросив на него взгляд.

– А что мне остается? – вопросом на вопрос ответил Лес.

– И правильно. Ни к чему сейчас лишний раз к себе внимание привлекать. Иди переодевайся.

После тренировки они сели в кабинете, и Василий Васильевич, пристально глядя Лесу в глаза, спросил:

– И что из всего, просочившегося в прессу, правда?

– Просочившегося в прессу?! Да это не просачивание, это слив! Причем грязный и лживый.

Алексей долго и подробно, останавливаясь только для того, чтобы перевести дух и справиться с эмоциями, рассказывал Васильичу все, что с ним произошло. Тот слушал внимательно, не перебивая, кивая в такт словам. Когда Лес выговорился и замолчал, Василий стал задумчиво мерить кабинет шагами.

– То, что ты рассказываешь, – наконец сказал он, – очень серьезно. Мне кажется, тебе нужно, не откладывая в долгий ящик, обратиться к адвокату.

Алексей выпрямился и с тревогой всмотрелся в лицо друга:

– Думаешь, это только начало?

– Уверен, порочащую тебя информацию распространили не только для того, чтобы насолить. Боюсь, скоро последует предъявление обвинения в убийстве.

– Но как?! – вскричал Лес. – Я же не убивал, я даже не знаю, что на самом деле с Кирой произошло!

Василий Васильевич горько усмехнулся.

– Скажи-ка мне, кого и когда останавливала невинность жертвы? Если кто-то задался целью тебя уничтожить, он добьется своего. А улики найдутся, не сомневайся. Кстати, ты вполне уверен, что Кира пропала сама, не без помощи извне?

Алексей замер, глядя на Васильича, и лицо его побледнело.

– Ты думаешь, ей кто-то помог утонуть?! Нет... Нет же, нет! Как это может быть? Мне кажется, у Кире не было и не могло быть врагов.

Он взъерошил волосы рукой и вскочил. Вид у Алексея при этом был такой, будто он собирается куда-то бежать, но он снова свалился на стул, и кровь прилила к его лицу.

– Если кто-то намеренно навредил Кире, я найду и убью его! – задыхаясь от гнева, сказал Лес.

– Тихо, тихо. Сейчас резких движений делать не стоит. Чем опаснее противник, тем продуманнее должны быть твои действия. Не мне говорить, ты и сам все это знаешь.

В тот вечер Алексей напился второй раз. Теперь его терзало чувство вины. Ему казалось, что он должен был заметить предпосылки несчастья и предотвратить его. А он вместо этого, как мальчишка, пребывал в эйфории от счастья.

То, что Василий Васильевич прав и судебная машина набирает обороты, скоро подтвердилось: Алексея вызвали в Следственный комитет.

* * *

Лес приехал к Следственному комитету немного раньше назначенного времени и долго сидел в машине, глядя на идущих мимо людей. Тягостное предчувствие не оставляло его. Что-то плохое непременно с ним должно произойти, хотя в это не хотелось верить.

Поднявшись по ступеням, Алексей прошел по коридору и вошел в небольшой кабинет. Следователь жестом пригласил его сесть.

– Гарденин Алексей Иванович, насколько я понимаю?

– Да.

– Следователь Гаврилов Максим Семенович. Я вот по какому поводу вас вызвал. К нам поступило заявление от гражданки Карелиной Нины Михайловны. Она заявляет, что вы причастны к исчезновению ее дочери, Кире Карелиной. Что-нибудь можете по этому поводу сказать?

– Ничего. Я не знаю, где моя жена.

– Я вам советую очень хорошо подумать. Чистосердечное признание, как вы понимаете, существенно смягчает наказание.

– Вот даже как. Хорошо Нина Михайловна поработала. И на чем же строится ее обвинение?

– У нас есть показания свидетеля, который утверждает, что вы планировали убийство своей жены.

– Да вы что! Ну надо же, – рассмеялся Лес, – а показаний свидетеля, который утверждает, что я одиннадцатого сентября взорвал башни-близнецы в Америке, у вас нет?

– Зря ерничаете. Это еще не все.

– Я весь внимание.

– Вот, посмотрите, долговая расписка. Узнаете свой почерк? Да-да. Вы пишете, что обещаете отдать миллион долларов до пятого июля. Оно, конечно, понятно, что вы можете не успеть вступить в права наследства до этого времени. Но оттянуть срок отдачи долга вам смерть жены вполне поможет. Что скажете об этом? Можете взять посмотреть. Это копия.

Лес взял в руки клочок бумаги и с удивлением уставился на него.

– Эта долговая расписка, как вы изволили выразиться, – просто клочок бумаги, написанный во время игры. А вот как он попал к вам, это уже интересно.

– У нас свои источники. Я так понимаю, что вы задолжали кому-то крупную сумму, и именно поэтому вам выгодна смерть вашей жены.

– Чушь.

– Ничего другого я от вас и не ожидал. Но это еще не все. Есть свидетель, который утверждает, что накануне происшествия вы и ваша жена сильно поссорились. Как вам этот аргумент?

– Можно полюбопытствовать, кто же этот таинственный свидетель?

– Пока я воздержусь от того, чтобы назвать его имя. А для начала в связи с полученным заявлением я приму от вас объяснение.

На протяжении следующего часа Лес исправно отвечал на вопросы следователя. Когда все было запротоколировано и подписано, Алексей спросил:

– Это все?

– Да.

– Что мне сейчас делать?

– Вы пока свободны. Будете нужны – я вас вызову.

Выйдя на улицу, Лес мрачно проводил взглядом перебежавшую ему дорогу черную кошку и понял, что Васильич оказался прав: без хорошего адвоката никак не обойтись.

Глава 3

Два года назад. Конец мая

Не ищите ошибки, если не знаете, что с ними делать.

«Кто это сказал? – Кира задумалась. – Может быть, Штейнбах... Или же у него фраза звучала как-то иначе?»

Сдвинув наушники на шею, она побежала в более спокойном темпе. Вот уже семь лет, как ежедневная пробежка стала обычным делом для нее. Она старалась этой привычке не изменять, потому что именно регулярные занятия спортом помогли ей когда-то справиться с болезнью.

Десять лет назад одним будничным утром Кира приготовила завтрак и села рядом с мужем за стол. Ей нравилось просто так сидеть рядом и смотреть, как он ест. Обычно он эмоционально восхищался кулинарными способностями Киры, рассказывал какие-нибудь истории или делился планами. Но сейчас он глухо молчал. Лицо его было непроницаемо, и Кира терялась в догадках.

– Вкусно? – спросила она, чтобы как-то начать разговор.

– Да.

– У тебя все нормально?

– Да.

Андрей торопливо доел рагу, выпил кофе и, циркнув зубом, пресно сказал:

– Меня с работы не жди. Я уйду.

Прозвучало это так обыденно и легко, будто подобные вещи он сообщал регулярно. Кира, которая как раз ставила тарелки в раковину, удивленно повернулась:

– Куда ты уходишь? А когда вернешься? Я ужин могу и позже приготовить.

– Кира, ты не поняла, – заиграв желваками, сухо сказал Андрей, – я уйду от тебя. И не вернусь никогда.

– Почему? – спросила она, чувствуя, как у нее холодеют пальцы.

– Потому что у меня другая женщина.

Потолок качнулся и придавил ее так, что стало нечем дышать.

– Давно?

Никогда не спрашивайте о том, о чем вам не хочется знать. Ответ вас может убить.

– Пять лет, – равнодушно ответил Андрей и кинул скомканную салфетку на пустую тарелку.

Дальше все было как во сне. Андрей поднялся и, не глядя на нее, пошел к двери. Она плелась следом, надеясь, что он сейчас повернется и скажет: «Шутка! Вечером идем в театр».

Глупо, конечно. Она потом сама не могла понять, откуда взялась эта мысль.

Дверь за Андреем захлопнулась, и Кира осталась одна. Двое детей, полное отсутствие работы и совершенно неясные жизненные перспективы.

После первой бурной реакции Кира впала в депрессию. Ее то душили слезы, то она погружалась в безвольное апатичное состояние, чем нервировала мать и пугала детей. Они не понимали, что происходит и почему мама на любой вопрос отвечает вяло и невпопад. Рекомендации друзей и знакомых «взять себя в руки» и «не раскисать» не доходили до сознания Киры. Она смотрела на них непонимающим взглядом и скептически улыбалась. Кира была уверена, что и так достаточно хорошо держит себя в руках – не мечется в истерике, не бросает тарелок в стену, не заламывает в исступлении рук и не рыдает. И мало ли что у нее в душе? Да, оску-

дело, выгорело все, как в пустыне, но внешне-то она совершенно спокойна. И это благодаря ее собственным усилиям, между прочим.

Как-то раз она брела по городу, сгибаясь под тяжестью сумки с продуктами. Рынок был недалеко, но Кире казалось, что он на другом конце света. Дойдя до лавочки на бульваре, она поставила сумку и села с ней рядом. Солнце было такое ласковое, нежное. Кира подставила ему лицо и закрыла глаза...

Откуда она появилась – эта женщина, – Кира не поняла. Наверное, подошла совсем неслышно: умеют же некоторые так ходить. И когда рядом раздался тихий голос, Кира от неожиданности вздрогнула.

– Я знаю, что происходит с тобой, – вкрадчиво начала цыганка. От нее сладковато пахло кровью и плесенью, и Кира, с детства остро реагирующая на запахи, едва не задохнулась. Захотелось сразу же встать и уйти, но ноги внезапно сделались ватными. Только голос цыганки, густой, тягучий, назойливо вливался в ее уши и растекался по телу слабостью. – Жить тебе, красавица, осталось совсем недолго. Муж от тебя ушел, и ты оттого сильно болеешь. Если муж не вернется – ты умрешь. Но не переживай... я тебе помогу...

Кира очнулась на той же скамейке в парке, и не оказалось у нее ни сумки с продуктами, ни кошелька с жалкими остатками денег. То, что дома ждут двое голодных детей, подействовало на Киру как удар хлыста. Вдруг прошли разом и слабость, и апатия, депрессия последних лет. Воздух приобрел кристальную чистоту и глубину, в которой отчетливо, как в зеркале, Кира увидела свою жизнь.

Так что той цыганке, забравшей последнее, Кира была даже благодарна. Кто знает, сколько бы еще она, не будь такого «волшебного пенделя», терзала себя и близких?

Но, как выяснилось позже, только воспрянуть духом после пережитого кошмара оказалось мало. Да, теперь Кира понимала свои проблемы и очень хотела избавиться от депрессии, но на нее вдруг как из рога изобилия посыпались болячки.

– Психосоматика, – вздохнуло очередное светило медицины, к которому Киру привезла ее мать. – Что ж вы, голубушка, так себя распустили? Нельзя нервы самой себе трепать, никак это не допускается.

Пока врач бормотал себе под нос названия лекарств, выписывая рецепты, Кира вспоминала всю свою прошлую жизнь. Ей было горько и стыдно и жаль потраченные годы. Не те, что ушли на жизнь с мужем и рождение и воспитание детей, а те годы, которые она никак не могла прийти в себя после предательства Андрея.

И вот теперь, уже семь лет подряд, она выходит на утреннюю пробежку в парк. Первые метры тогда ей давались с трудом. Она задыхалась, едва ли не падала, но упрямо продолжала занятия. В конце концов довела дистанцию до десяти километров в день.

Сегодня с утра было много дел – съемки, интервью, поход по магазинам. К тому же делать покупки Кира категорически не любила. Ее эта процедура утомляла сама по себе, независимо от того, что предполагалось купить – одежду, обувь или новые стулья. Домой она приползла уставшая и измотанная. Однако, едва приняв душ, она все-таки натянула на себя спортивный костюм и отправилась в парк.

Кто-то следовал за ней неотступно. Он то приближался, то удалялся на некоторое расстояние, но не исчезал совсем. С Кирой изредка такое бывало: она задумывалась и механически сворачивала не туда. На какую-нибудь боковую аллею, где редко встречались прохожие и заросли были гуще. Но сегодня случай выдался и вовсе особый: она очутилась слишком далеко. Прислушиваясь к тому человеку, что был сзади, Кира пыталась решить, как лучше поступить. Мысли ее испуганно заматались. И тут неизвестный преследователь ускорил шаг, явно решив ее догнать.

Кира побежала быстрее.

Он тоже припустил следом.

Она ускорила бег.

Он тоже ускорил.

Она полетела на пределе своих возможностей.

Преследователь тоже понесся во весь опор.

Кира так испугалась, что уже собралась истошно заорать, и плевать, если кто-то услышит ее вопли. Только бы хоть как-то попытаться спастись. И тут маргинал схватил ее сзади за плечо и знакомым голосом сказал:

– Кира, стойте!

Она повернулась и в изнеможении произнесла:

– О, боже мой, это вы! Вы испугали меня, Алексей. Признавайтесь, зачем вы за мной гнались?!

– А вы хорошо бегаєте. И, главное, долго. Извините, не хотел вас напугать. Увидел издали: вы, думаю, или не вы. Решил догнать. Смотрю, вы на боковую аллею поворачиваете, самую безлюдную и криминальную. Вы знаете, что здесь месяц назад нашли убитую девушку? А чуть раньше – ребенка?

– Нет, меня в это время не было в Москве. Я только недавно вернулась.

– Тогда понятно, отчего вы так беспечны. Потом я уже бежал следом намеренно, боялся, что с вами что-нибудь случится. Кричать и звать вас мне казалось глупым, хотел дожидаться, когда вы остановитесь, и тогда подойти. А вы все дальше в парк и дальше... Боялся вас напугать...

– Вам это удалось, – перебила его Кира, – у меня до сих пор сердце колотится как сумасшедшее.

– Извините, Кира. Я хотел как лучше. Честно.

– А чего потом погнались за мной во весь опор? Я думала, меня убивать собираются!

– Я понял, что все-таки вас испугал и надо ситуацию исправлять.

Он улыбнулся.

Кира посмотрела на него подозрительно и поправила растрепавшиеся волосы.

– Ну ладно. Пусть так. Вы знаете, как отсюда выбраться? Что-то я никак не соображу, где это мы.

– Найдём. Здесь куда ни иди, все равно к людям выйдешь.

– Конечно. Разница только во времени.

– Это да. А почему вас не было так долго в Москве?

– Я была в Германии.

– У вас там родственники?

– Я по приглашению ездила от немецкого литературного общества. Читала лекции, проводила семинары.

– Об эмиграции не задумывались?

– Боже упаси! Я считаю эмиграцию большим несчастьем. Конечно, всякое в жизни бывает, ни от чего зарекаться нельзя. Но чтоб добровольно – нет.

– Почему? Сейчас многие уезжают.

Кира пожала плечами.

– Вот смотрите, Лес. Аксенов – он уехал из России вынужденно и все время скучал по Москве. При первой же возможности вернулся. «Я московский гражданин», – говорил он о себе. Почему так произошло? Да потому что существует понятие менталитета, и даже те, кто его отрицает, все равно до смерти будут помнить русские сказки, услышанные в детстве, русские песни, своих друзей со двора, первую учительницу, первую любовь. Возможно, на чужбине что-то получится у их детей. А для эмигрантов в первом поколении все будет очень сложно.

– У меня друг эмигрировал в Германию десять лет назад вместе с женой и детьми. На некоторое время мы потеряли друг друга из виду, а потом он разыскал меня. Началась переписка. Он писал то же самое примерно, что сейчас сказали вы, Кира. Писал о тоске, о том, что не может найти себя. О том, что дети, ради которых и делалось все это, вырастают и перестают понимать своих родителей. Они-то как раз уже немцы, а друг, его жена как были, так и остаются русскими. Иногда он шутил, рассказывал что-то забавное. В общем, я не думал даже, что все так плохо. В одном из последних своих писем он мне рассказывал, как были они с женой и детьми в путешествии. Интересном, счастливом, радостном. И вдруг в какой-то момент ему подумалось: «Хочу домой». И тут же обожгло: некуда – домой. Нет дома. Некуда хотеть.

Лес помрачнел и замолчал, снова переживая.

– С ним что-то нехорошее произошло?

– Он вдруг умолк и перестал отвечать на мои письма. А месяц назад я от общих знакомых узнал, что он покончил с собой.

– Какой ужас!

– Ему на тот момент исполнилось только тридцать пять. Я перечитывал потом его письма, все пытался понять: почему он сделал это? И понял, что он оказался бессилён перед обстоятельствами. Не смог реализовать себя в том социуме, где очутился, и не смог вернуться назад: дети выросли и никуда уезжать не захотели. Я до сих пор не могу поверить, что его больше нет. Оттого и среагировал так на слово «Германия».

– Да, я понимаю. Вот потому я считаю эмиграцию трагедией, не всем даны силы ее выдержать.

Некоторое время они шли молча. Алексей – заново переживая смерть друга, Кира – размышляя об услышанном.

Лес вдруг отошел в сторону и, присев, снял с гриба прилипший листок:

– Надо же, в это время – и сыроежка. Рано для нее еще.

– Разве? Впрочем, я в этом не разбираюсь.

Кира отметила про себя, что она со своими метром семидесятью двумя сантиметрами да без каблука смотрится рядом с ним совсем маленькой, и не удержалась от вопроса:

– Алексей, а какой у вас рост? Два метра?

– Ну что вы, только слегка за метр девяносто перевалил.

– А кажется выше. Или это мне от страха мерещится. Напугали вы меня здорово, что и говорить.

– Кира, я вас не видел здесь раньше, хотя бегаю каждый день.

– То же самое могу сказать и о вас. Я бегаю тут каждое утро вот уже два года и ни разу не видела вас.

– Ах, вот оно что, – Лес удовлетворенно засмеялся. – Значит, утром! А я бегаю больше по вечерам. Выходит, мы перемещались все время параллельно.

– Думаете, это можно так назвать?

– А почему нет? Если верить теории, что время нелинейно, значит, существует некая точка пространства, где два события, разрозненные в линейном времени, могут произойти одновременно при его нелинейности.

– Не знаю, я в этом ничего не понимаю. У меня всегда было плохо с математикой.

Она посмотрела на него и, наткнувшись на его веселый, смеющийся взгляд, почувствовала, что снова краснеет.

«Да что же это такое, – разозлилась она на себя, – расслабилась, раскисла. Влюбилась, просто как малолетка».

Приняв строгий и неприступный вид, она отвернулась. Очень не хотелось, чтобы Лес догадался, какие он вызывает у нее эмоции.

Но мысли ее предательски снова и снова возвращались к обаятельному спутнику.

«Интересно, сколько ему лет? – думала она, искоса рассматривая Алексея. – Насколько он меня моложе? Лет на пять-шесть? Он сказал, что другу исполнилось тридцать пять. Может быть, и ему тоже столько. Но выглядит молодо».

И вдруг поняла, что ей очень хотелось бы, чтобы эта разница была как можно меньше. Все-таки гораздо спокойнее, когда муж старше.

Наконец, им стали попадаться гуляющие парами и небольшими группами люди.

– Можно я в искупление своей вины угощу вас хорошим ужином?

Кира вдруг с ужасом поняла, что ей очень, просто до дрожи в коленях, хочется его приглашение принять. И это так испугало ее, что она торопливо ответила:

– Вы знаете, Лес, я сегодня слишком устала, да и буду занята.

– Жаль. Но я терпеливый. Я все равно дождусь вашего хорошего настроения.

Она неопределенно пожала плечами и вежливо улыбнулась.

– А что вы любите, Кира? Грибы собирать, рыбалку?

– В грибах я, как уже сказала, ничего не понимаю. А на рыбалку одной боязно ехать.

– Зачем же одной. Можно ведь с мужем, другом.

– О, нет. Только ради рыбалки я замуж выходить не готова. Как-нибудь магазинной рыбой обойдусь, – отшутилась Кира.

– А я все-таки пригласил бы вас на рыбалку. В ближайшие выходные, к примеру, вместе с детьми.

– Дети у меня к рыбной ловле совсем равнодушны. Как, впрочем, и к рыбе. Но за предложение спасибо, я подумаю.

– Это значит «да»?

– Это – «может быть». У меня жестко расписаны все ближайшие дни на месяц вперед. Так что ничего конкретного пока не могу обещать. Да я и не закончила свою пробежку, думаю, пора к ней возвращаться.

Она легко побежала вперед, Лес вдруг крикнул ей вслед:

– Стойте!

Но Кира даже не оглянулась.

Молодой доберман скорее всего хотел поиграть. А что может быть интереснее, чем игра в салочки! Щенок радостно припустил за Кирой и, в мгновение ока догнав ее, сильно ткнул передними лапами в спину. От неожиданности Кира споткнулась и полетела в грязь.

– Я же вас пытался предупредить. Почему не послушались? – пытаюсь поймать пса за ошейник, укоризненно сказал Алексей.

А пес весело гарцевал вокруг них, как миниатюрный конь, радостно скалясь и вскидывая голенастые лапы. Теперь уже не только Кира была вся в грязи, но и костюм Леса напоминал грязную тряпку, о которую вытерли ноги. Когда он наконец, изловчившись, ухватил пса за ошейник, на боковой тропинке показался хозяин добермана с поводком в руках.

– Не бойтесь, он не кусается! – обрадовал их он, подходя.

– Не кусается?! – вскипел Лес. – То есть вы, значит, думаете, если не покусал, то все в порядке?! Воспитывать надо пса!

– Ой, подумаешь, – усмехнулся молодой нахал, – пара пятен. Могу на химчистку денег дать.

– Себе на молоко побереги, – брезгливо бросил Лес и, взяв за руку Киру, пошел с ней по тропинке.

– Я думаю, вы совершенно правы, Алексей, – после недолгого молчания сказала она. – Не стоит связываться с невежей, его все равно не перевоспитаешь.

Лес усмехнулся.

– Согласен. Но это я при вас такой сдержанный. Обычно меня несет, я могу и за грудки, и как следует встряхнуть. И дело тут не в испорченной одежде, разумеется. Невоспитанная

собака – это прежде всего вина хозяина, и с него надо спрашивать. – Он помрачнел и с горечью добавил: – Что-то не так у нас с законами, нет на нерадивых собаководов управы. Недавно на моих глазах пес сильно покусал четырехлетнего мальчика. Я когда подбежал, у мальчика уже кровь рекой лилась, вся спинка и руки искусаны. Отогнал пса, «Скорую помощь» вызвал. Но представляете, какая психологическая травма у пацана на всю жизнь? Да он собак до старости после такого бояться будет.

– А они, чувствуя его страх, станут снова нападать. Замкнутый круг.

– Именно так. А вот если бы штрафовали только за появление пса без намордника во дворе, хозяева бы следили за своими питомцами.

– Точнее, за их поведением. Ваш костюм сильно пострадал, Лес. Вам далеко идти? Вы где живете?

– Пустяки. Четыре остановки на трамвае.

– Ну, это все-таки прилично. Я вот что хочу предложить, мой дом совсем рядом, и у меня есть отличное средство для выведения пятен. А еще есть очень вкусный кофе. Не знаю как вы, а я бы еще граммов двадцать коньяку с кофе выпила, чтобы прийти в себя от сегодняшних событий, – она засмеялась. – То «маньяк» меня преследует – да-да, я именно так и подумала, когда вы за мной гнались! – то какая-то незнакомая псина лапами в спину тычет. Сплошной адреналин.

– А знаете, я соглашусь. Но без коньяка: я не пью.

Кира задумчиво окинула его взглядом, прикидывая, отчего молодой и здоровый на вид мужчина избегает спиртного. Ведь двадцать граммов даже аперитивом назвать сложно. Так, микстура для лечения. Но уточнять у Леса, отчего такой категорический отказ, все-таки не решилась. Мало ли что, вдруг откроется какая-то неприятная тайна. Упаси нас боже от чужих секретов.

– Я спортом занимаюсь, и у меня соревнования скоро, – пояснил без ее вопросов Лес.

Они вышли за пределы парка и направились к многоэтажному дому, расположенному в отдалении от дороги. Лес, окинув его взглядом, немного приуныл. Новостройка. Из тех, где дорогие элитные квартиры с хорошей планировкой и просторной кухней. Он только мечтал такую купить. Несколько раз уже почти собрался, но все время что-нибудь мешало: то бабушке на операцию крупная сумма потребовалась, то другу нужно было помочь.

Они вошли в прохладный подъезд и поднялись на второй этаж. Кира вставила ключ в замок и, открыв дверь, крикнула:

– Я дома!

Из комнаты справа выглянула заспанная девчонка лет шестнадцати, русоволосая и веснушчатая, и, ойкнув, нырнула обратно.

– Это моя дочь, Анфиса, – пояснила Кира. – Только что закончила десятый класс, теперь сидит дома и отсыпается.

– И ничего подобного, – недовольно возразила девочка из-за слегка прикрытой двери, – это просто вы так неудачно пришли! И вообще, предупреждать надо, что не одна возвращаешься.

– Вот они, современные дети, – вздохнула Кира, – никакого уважения к авторитетам.

– Может, это и хорошо. Я, к примеру, рос уж слишком заорганизованным. Считаю, что мне это создало в жизни массу проблем.

В душе Киры снова затеплилась надежда: может быть, Лес все-таки старше, чем кажется? В конце концов, ей тридцати восьми лет тоже никто не дает.

* * *

Ночью она долго ворочалась, никак не получалось уснуть. Вспоминала улыбку, голос, жесты Леса и с досадой думала, что это не те эмоции, которых она ждала от себя. Да и не к лицу в ее возрасте влюбляться, как девчонке.

«Не может этого быть, – сказал кто-то трезвый в ее голове, – так не бывает. Только пятнадцатилетние девочки с замиранием сердца смотрят на предмет своего обожания, совершенно его не зная».

– Я взрослая, уверенная в себе, и мне никто не нужен, – шептала Кира как мантру, закрывая глаза и погружаясь в сон.

И вдруг очутилась на лесной лужайке, совсем маленькая, лет пяти. Та девочка, которой когда-то давно была она, рвала одуванчики и, прищурив глаза, смотрела, как крошечные пушинки улетают вверх, к солнцу.

Глава 4

Настоящее время

Лика сидела в гамаке, поджав под себя одну ногу, и пускала зеркальцем солнечных зайчиков. Маленький рыжий котенок носился за ними, ловя лапками пятнышки света. Он смешно крутил головой, когда зайчик вдруг уносился неведомо куда, и снова бежал за ним.

– Твой муж сказал, что ты здесь, – Алексей подошел и стал неподалеку.

Бледный после бессонной ночи и осунувшийся от переживаний, он смотрел на Лику мрачно и исподлобья.

– А, привет! – она встала и вперевалку, немного по-утиному, пошла ему навстречу.

– Когда тебе рожать?

– В сентябре. Дева по гороскопу будет, – Лика хихикнула и, искоса бросив на него взгляд, вдруг сказала: – Ты на меня не злился. На беременных обижаться не положено. Ну, дура я была, что с меня взять. За то меня бог и наказал, дал любовь, похожую на вашу, чтоб прочувствовала, как это у других бывает. Знаешь, я все понять не могла: как же это? Почему меня так колбасит, что я даже свои, годами устоявшиеся принципы нарушаю. Пошла, сделала себе регрессию...

– Сделала – что?

– Регрессивный гипноз. Идем в дом, там не так жарко.

– У нас, в Москве?

– Не-а. Летала в командировку в Лондон, там к специалисту знаменитому по регрессиям пошла. Я у нас таких не знаю. Если у тебя есть на примете адресок – поделись.

– Нет, я просто спросил. Интересно стало.

– Так вот, сделала я себе аж трехчасовую регрессию. Такого насмотрелась! Мама не горюй. Оказывается, наша с мужем совместная история уходит в далекое-предалекое прошлое. Разные города, страны. Даже видела другие планеты. Как тебе такой расклад?

Она открыла дверь и пропустила Алексея в просторный холл дачного дома.

– И верю, и не верю, – ответил он.

– Почему? – удивленно округлила глаза Лика. – Тебе как человеку, хорошо знакомому с восточной философией, должно быть не чуждо ничто мистическое.

– Лика, я не знаю, честно. С одной стороны, я видел довольно много странного и необъяснимого в своей жизни. С другой – когда проходит время, я сомневаюсь в том, что это действительно было.

– Фома неверующий, – фыркнула она. – Садись, рассказывай, зачем приехал.

– Лика, меня подозревают в убийстве Киры.

– Что?! – она вскочила и тут же схватилась за поясницу. – Ох, ничего себе...

К чему относилась последняя фраза – к известию или к пояснице, Лес не понял и осторожно уточнил:

– То есть ты в это не веришь?

– С ума сошел? Как я могу в такое поверить!

– Тогда помоги мне. Я знаю, что ты не слишком раньше меня жаловала, но мне сейчас не к кому больше обратиться.

– Брось, это все было давно и быльем поросло. Да и лично к тебе у меня никаких претензий никогда не возникало, – она задумалась. – Значит, тебе нужен отличный адвокат.

Протянув руку, она взяла сумочку и достала оттуда мобильный телефон. Лес молча следил, как она пролистывает список контактов, а потом смущенно сказал:

– Только, если можно, пусть в адвокате совмещаются два качества: сообразительность и не слишком большая любовь к гонорарам. Понимаю, что это довольно сложная задача, но все же.

Ли́ка подняла голову, оторвавшись от телефона, и долгим взглядом посмотрела на Леса.

– Что, все так плохо?

– Да. Я сильно потратился, когда организовывал поиски Киры в Австралии. Доступа к совместным деньгам у меня сейчас нет. И не будет, если меня все-таки обвинят в убийстве.

– Бред какой-то. Это Нина Михайловна поторопилась обвинить тебя?

Лес неопределенно пожал плечами.

Ли́ка некоторое время, задумавшись, изучала узоры на стене, потом вдруг лицо ее просветлело.

– О, у меня есть мысль! – она вскочила, и, отойдя к окну, быстро нашла нужный номер телефона. – Лариса, как у тебя дела? Ты сильно занята? Рядом со мной сидит мой очень хороший, я бы даже сказала, близкий друг, и ему нужна помощь. Его подозревают в убийстве.

Выслушав ответ, она повернулась к Лесу и сказала:

– Пиши телефон. Девочка молодая, но очень способная, – Ли́ка сделала ударение на слове «очень», – лучше адвоката тебе не найти. И у нее есть еще один большой плюс: чтобы пробиться в профессии, она будет землю рыть, выискивая доказательства твоей невиновности.

– Спасибо, – Алексей встал.

– Не за что. И держи меня в курсе. Если возникнут проблемы – будем подключать дополнительно еще кого-нибудь.

Уже у выхода он вдруг повернулся:

– Ли́ка, скажи, почему ты помогаешь мне, а не приняла сторону Нины Михайловны?

– Знаешь, если честно, я всегда недолюбливала ее, а она меня теперь, после этого, – она кивнула на располневший живот, – и подавно. Не одобрила мама Киры моего брака. Но есть и еще одна причина.

– Да?

– Я не верю, что Кира мертва. Я смотрела ее гороскоп, у нее не только длинная жизнь, но и полное отсутствие угрозы насильственной смерти. И в тот период, когда вы были в Австралии, и вообще по жизни.

– Ты так веришь в гороскопы? Впрочем, неважно. Ты вселяешь в меня надежду, и это хорошо. Я очень хочу верить, что Кира жива.

– Уверена в этом. Но если вдруг я ошиблась, то торжественно выкину все свои книги по астрологии и больше никогда ни одной натальной карты в руки не возьму!

* * *

Лариса оказалась миловидной брюнеткой с коротким каре. Когда Алексей вошел, она как раз сунула в рот печенье и, испуганно отряхнув от крошек руки, постаралась быстро его прожевать.

– Извините, – с трудом проглотив, сказала она, – думала, успею поесть.

– Ничего. Это вы меня извините, я немного раньше пришел.

Пока она мыла руки и вытирала их полотенцем, он окинул взглядом кабинет. Небольшое чистое окно с разлапистой молодой монстерой на нем, аккуратный стол без привычного девичьего беспорядка и полки со специальной литературой. Все вполне пристойно и предсказуемо, ничего, что отличало бы этот кабинет от других. Почему-то Лесу стало скучно. Если место, где человек проводит большую часть своей жизни, не несет в себе отпечатка его личности – это плохой признак. Значит, хозяин кабинета или не чувствует себя вольготно в выбранной профессии, или он так же безлик, как и этот интерьер.

– Я офис арендую, – словно услышав его мысли, вдруг сказала Лариса. – Только что сняла, еще не успела все свои вещи привезти. Лика сказала, вас подозревают в убийстве?

– Да.

– Давайте, мы сядем, и вы мне все-все по порядку расскажете.

Слушала она внимательно, то и дело кивая и делая пометки в своем нетбуке. Иногда, когда дело касалось каких-либо фактов или свидетелей, она переспрашивала и уточняла:

– Я правильно вас поняла, Алексей, следователь сказал, что у них есть свидетель вашей ссоры?

– Да.

– И он отказался назвать его имя?

– Да, именно так. Он сказал, что пока воздержится назвать конкретное имя. Но мне кажется, это блеф.

– Что – блеф?

– Что у них есть свидетель ссоры. Мы с Кирой не ссорились.

– Вообще?

– Вообще. Мы два года знакомы, поженились полгода назад, в прошлом ноябре. И за шесть месяцев брака ни разу не поругались, не говоря уже о добрачном периоде. А что, это ненормально? – с вызовом спросил он.

– Во всяком случае – редко. Но я бы хотела, чтобы и у меня, когда я выйду замуж, было так. Ладно, мы отвлеклись от главной темы. Давайте заключим соглашение об оказании юридической помощи, и вы будете свободны.

Она распечатала на принтере два бланка соглашения, расписалась сама и протянула листы на подпись Лесу.

– Алексей, если вас вызовут в Следственный комитет, вы обязательно поставьте в известность меня. Обязательно, слышите?

– Да, конечно. – Он расписался на двух листах и подвинул обратно один Ларисе.

– В общем, теперь мы везде должны появляться вместе, – сказала она. – Разумеется, я не имею в виду улицы, магазины и кафе, а только правоохранительные структуры. Далее. Если вдруг вас неожиданно где-либо задержат, при первой же возможности вы опять-таки звоните мне.

Лес удивленно поднял брови.

– Да-да, не удивляйтесь. С большой долей вероятности я допускаю такой поворот событий. Значит, в самом худшем случае – мы не пугаемся, не суетимся, не оказываем сопротивления полиции, а сразу же ставим в известность меня. Это понятно?

– Да.

Он помрачнел. Уверенность адвоката в его скором аресте буквально придавила его к земле. До сих пор ему казалось все дурным сном или какой-то досадной ошибкой. Ну не может с ним, с Алексеем Гардениным, ничего подобного происходить.

* * *

Домой он от Ларисы не пошел. Отправился напрямик в мастерскую и там до изнеможения, до поздней ночи, стучал молотом. Когда витой канделябр, который он обещал сделать Кире по приезду, был готов, Лес рухнул, не раздеваясь, на деревянную лавку и уснул мертвым сном.

Проснулся от разрывающегося в кармане мобильного.

– Алексей? Это Лариса. Вам имя Андрей Топильский известно?

Лес сонно протер глаза, пытаясь собраться с мыслями.

– Нет. Впрочем, да. Это бывший муж Кире. А что случилось?

- Он один из тех, кто свидетельствует против вас.
- И что же он мог рассказать? – огоршенно спросил Лес.
- Он оказался болтлив, наговорил много чего. Но одна из историй мне кажется очень неприятной...
- Давайте угадаю. Наверняка он сказал, что я женился на деньгах, потому что жиголо и альфонс, – кисло скривился он.
- Ну, не без этого. Но насторожило меня другое. По заверению Андрея Топильского, вы попытались убить свою жену первый раз еще на свадьбе.
- Что? – Лес от неожиданности вскочил и ударился головой о выступ на потолке ниши, в которой спал.
- По его словам, это вы устроили поджог в ресторане, где собрались гости после свадьбы, и только по случайному стечению обстоятельств никто не пострадал.
- Бог мой, что за бред! Я, наоборот, пытался самостоятельно погасить огонь.
- К чему такое геройство, вы пытались кого-то спасти?
- Просто не думал ни о чем. Увидел очаг возгорания и бросился тушить. Мне казалось, я успею. Кстати, я видел, как именно Андрей выходил из подсобного помещения, откуда потом повалил дым. Так что могу сказать о нем то же самое: я считаю, что это он устроил поджог.
- Зачем?
- Не знаю. Может быть, хотел испортить нам праздник.
- Как вы вышли?
- Через черный ход. Как раз подъезжали пожарные машины, и мои усилия уже были не нужны.
- М-да, – Лариса помолчала, – неоправданное геройство. В это сейчас никто не верит, вот в чем беда. А вот в том, что вы не бросились спасать в первую очередь свою жену, могут рассмотреть злой умысел.
- У вас все? – разозлился Лес. – Я очень мало спал, и сейчас мне хочется принять душ.
- Алексей, вы меня не так поняли, – спохватилась Лариса. – Я на вашей стороне!

* * *

Слова Ларисы о том, что неприятности Леса на этом не закончатся и в скором времени будут иметь продолжение, сбылись даже быстрее, чем предполагалось. Утром в понедельник, когда Лес собирался на работу, позвонил следователь и попросил его явиться для проведения следственных действий. Как и договаривались, Алексей тут же сообщил об этом Ларисе.

- На какое время он вас вызвал?
- На два часа.
- Хорошо, я буду.

После этого Лес пытался сосредоточиться, чем-то заняться, но все валилось из рук. Из головы не шли слова Ларисы о возможном задержании, и он едва сдерживался, чтобы, не дожидаясь двух часов, выйти из дому и отправиться куда-нибудь подальше – на Камчатку, на Северный полюс, но только не на Арбат в Следственный комитет.

Когда он подъехал, Лариса уже ждала его на улице.

Молча кивнув ей, Алексей прошел к двери. Лариса поспешила следом. Неприятные предчувствия продолжали преследовать его: ощущение ирреальности происходящего и омерзительно липкое чувство беспомощности перед машиной правосудия. У двери следователя он вопросительно оглянулся на Ларису, и она подбадривающе улыбнулась ему. Не ответив на ее улыбку, Алексей постучал и, услышав ответ, вошел. Лариса пошла за ним.

– Вы подождите пока за дверью, вас пригласят, – не слишком дружелюбно отреагировал на ее появление следователь.

На этот раз Гаврилов обошелся без церемоний. Оторвав взгляд от бумаг и кивком предложив Алексею сесть, он придвинул к себе папку с делом, открыл ее и несколько секунд смотрел бумаги. Потом, зачем-то сцепив руки в замок, он поднял голову и ровным, ничего не выражающим голосом пробубнил:

– Следственный комитет возбудил уголовное дело по факту убийства. Алексей Иванович, сейчас вы будете допрошены в качестве подозреваемого. Как я понял, вы приехали со своим адвокатом. Конечно, она будет присутствовать на допросе.

Он поднялся и открыл дверь:

– Входите, пожалуйста.

Лариса зашла и ободряюще кивнула Алексею.

– Мне нужно переговорить с моим подзащитным наедине, – обратилась она к следователю.

Гаврилов кисло скривился и поднял трубку телефона.

– Оксана, подойдите ко мне. У меня здесь подозреваемый с адвокатом, их нужно проводить в отдельную комнату.

– Слушайте меня внимательно, – наклонившись через стол и понизив голос, сказала Лариса, когда они остались одни, – сейчас лучше никаких показаний не давать.

– Как это?

– По статье пятьдесят первой Конституции каждый человек имеет право не свидетельствовать против себя. Нам надо потянуть время, понимаете, Алексей?

Лес толком ничего не понял, но кивнул с готовностью.

– Вам нужно продержаться сорок восемь часов, после чего задерживать вас без особых оснований не имеют права. Либо должны предъявить обвинение, либо отпустить. Насколько я понимаю, никаких прямых доказательств вашей виновности у них нет. Будем надеяться, что и не появится.

– Я до сих пор не могу поверить, что в это влип, – мрачно сказал Лес.

– Не надо падать духом. Еще не все потеряно, и я уверена, что выход найдется. Я буду присутствовать на всех следственных мероприятиях, будь то обыск в квартире или очная ставка. И еще. Я внимательно изучила материалы дела, для меня в нем много неясного. Скорее всего мне придется вылететь в Австралию.

– Я понял, нужны деньги.

– Да, на дорогу туда и обратно и на расходы.

Он достал телефон и по очереди набрал несколько номеров.

– Слухи распространяются быстро, – зло сказал он. – Никто не поднимает трубку.

Немного поколебавшись, он набрал номер Лики. На третьем гудке она трубку сняла.

– Ты не могла бы мне помочь еще раз? – смущенно попросил Лес. – Я сейчас в Следственном комитете вместе с Ларисой. Ей нужно слетать в Австралию для проведения...

Он замялся, и Лариса подсказала ему:

– ...адвокатского расследования.

– ...для проведения адвокатского расследования, – повторил Лес. – Я через два дня деньги верну.

– Не вопрос, – согласилась Лика. – Скажи Ларисе, пусть подъезжает. Сколько надо – отстегну.

Вернувшись в кабинет следователя, Алексей на удивление спокойно выслушал сообщение о возбуждении уголовного дела и о том, что он задержан на двое суток.

– Показания давать будем?

– Нет.

– Хорошо, так и запишем.

Следак что-то долго и нудно писал, а Лариса и Лес сидели молча, не глядя друг на друга. Лариса что-то время от времени записывала, как вдруг Гаврилов оторвался от бумаг и сказал:

– Напоминаю, что вы проходите подозреваемым по факту убийства Киры Карелиной. Сейчас вы будете препровождены в ИВС – изолятор временного содержания. В самое ближайшее время вам будет предъявлено обвинение и избрана мера пресечения.

* * *

На следующий день, когда Лариса как раз заказывала билеты в Австралию и обратно, позвонил Алексей.

– Мне сообщили, что сейчас в моей квартире будет произведен обыск.

– Что у вас с голосом, вы так сильно переживаете?

– Нет, я простыл. Ну и конечно, особо приятных эмоций не испытываю. В моей квартире ничего подозрительного нет, но приезжать туда, да еще в таком сопровождении, мне противно.

– Диктуйте адрес.

Быстро записав, она выскочила на улицу и завела автомобиль. Несмотря на заверения Алексея, что в квартире нет ничего такого, за что следователь бы потом радостно ухватился и состряпал обвинение, дурные предчувствия не оставляли ее. Ей казалось, что обязательно найдется нечто, способное послужить доказательством вины Алексея. И дело даже не в том, что ей непременно хотелось выиграть процесс – хотя и это, конечно, тоже. Но еще и в том, что к Алексею она испытывала искреннюю симпатию. Нет, даже не так. Она в него чуточку влюбилась, хотя и сама не желала себе в этом признаваться.

* * *

Холостяцкое жилье Леса, где Лариса оказалась, было примерно таким, как она его себе и представляла: обстановка одновременно спартанская и романтическая. Если бы раньше ее спросили, может ли вообще такое быть, она бы пожала плечами. Но сейчас, разглядывая полупустую аскетичную спальню с узкой, аккуратно застеленной кроватью, домашний кинотеатр, небольшой белый кожаный диванчик перед ним, витые изящные бра и коллекцию старинного оружия, – иного определения она не могла подобрать. Романтический воин или воинственный романтик.

Она встряхнула головой, отбрасывая посторонние мысли, и стала внимательно следить за происходящим. Периодически она вскользь поглядывала на Леса – как реагирует на происходящее он. Алексей, к ее удовольствию, был спокоен и несколько отстранен. И тут...

– Что в этом чемодане? – Низенький коренастый полицейский указал на вместительную сумку на колесиках в простенке между шкафом и кроватью.

– Там мои вещи. Я недавно прилетел из Австралии.

– И что, не было времени разобрать?

– Скорее – желания.

– Откройте его, – обратился полицейский к помощнику.

Тот споро вскрыл замки и откинул крышку.

Алексей поморщился:

– Могли бы и ключи попросить, зачем же ломать.

Лариса окинула взглядом вещи, в которых рылись два оперативника. Вроде бы ничего необычного – просто одежда человека, недавно вернувшегося с длительного отдыха за границей. Коренастый полицейский как раз взял в руки светлые теннисные шорты и внимательно уставился на них. Снизу, под левым карманом, алело пятно.

Он запустил руку в карман и достал оттуда мужской платок, весь перепачканный кровью.

– Инициалы: «АГ». Алексей Гарденин, я так понимаю.

– Я протестую, – сказала Лариса, – вы не должны навязывать свои домыслы.

– Ах ну да, конечно, – окинул ее ледяным взглядом коренастый.

«Женоненавистник», – мрачно подумала она.

– Вы можете нам сказать, чей это платок? – Полицейский держал его за кончик двумя пальцами, отчего платок развернулся, демонстрируя рисунок кровавых пятен.

– Мой.

– А кровь на нем чья?

– Моей жены, Киры Карелиной.

– Алексей, что вы делаете! – не выдержала Лариса. – При каких обстоятельствах вы воспользовались этим платком?

– Кира разбила коленку, когда мы возвращались с теннисного корта. Точнее, распорол кожу на ноге. Наткнулась на какой-то штырь, торчавший из земли. Я обмотал рану платком, чтобы остановить кровь, а потом, когда Марфа, наша домработница, принесла мазь и пластырь, вероятно, машинально засунул платок в карман.

– У меня есть версия получше, – заявил коренастый. – Вы убили свою жену, а потом вытерли платком руки и убрали его в карман, чтобы не оставлять улику на месте преступления.

– Я протестую! – возмутилась Лариса. – Вы не должны навязывать моему клиенту свое мнение.

– Фу-ты ну-ты, – буркнул коренастый, упаковывая платок в целлофановый пакет. – Проверим, что это за кровь и какой давности.

Следователь оторвался от протокола, который методично заполнял по ходу обыска, и скептически хмыкнул.

Лариса украдкой вытерла о юбку ставшие мокрыми ладони. Тревога ее не отпускала. Она чувствовала, как по напряженной до боли спине потекла тоненькая струйка пота.

– А это еще что?

В руках полицейского, только что осматривавшего льняной кофейного цвета пиджак, появился изящный, украшенный бриллиантами браслет.

– Дорогая штучка, – прищелкнул языком следователь.

– Чье это? – перехватил инициативу коренастый полицейский.

– Киры. Этот браслет я подарил ей недавно, накануне дня рождения.

– Почему – накануне? Разве у вас принято дарить подарки заранее?

Лес пожал плечами.

– Да просто я нашел именно такое украшение, какое давно искал, и не смог удержаться: сразу подарил. А у вас что, так не бывает?

– А как он оказался у вас в кармане? – проигнорировал его вопрос опер.

– Понятия не имею.

Лариса похолодела. Она чувствовала, что Лес говорит правду. Но сейчас она бы предпочла, чтобы он был немного поизворотливей и соврал. Ну почему бы ему не сказать, что он купил браслет и собирался его в торжественной обстановке подарить?! А из-за этой его голой правды все летит в тартарары.

– А вот он и мотив, – осклабился коренастый. – Дорогое украшение, на которое позарился преступник.

– Да что вы такое говорите! – искренне изумился Лес. – Зачем мне тогда вообще покупать браслет?

– А это мы еще проверим, кто и за какие деньги этот браслет покупал.

Лариса достала телефон и быстро черкнула в нем заметку: найти свидетелей, способных подтвердить покупку украшения, и документы, из которых было бы видно движение средств на счете Алексея.

«А если он расплачивался наличкой?» – мелькнула паническая мысль. Но Лариса отогнала ее, решив не думать о проблеме, пока она не возникла.

Глава 5

Настоящее время. Следственный изолятор

– Алексей, расскажите, как вы познакомились с Кирой Карелиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.